

КРОПОТКИН АНАРХИЯ

Предисловие С.Ю. Нечаева

Всемирное наследие

Пётр Кропоткин

Анархия

«Издательство АСТ»

2021

УДК 1(091)(470)
ББК 87.3(2)

Кропоткин П. А.

Анархия / П. А. Кропоткин — «Издательство АСТ»,
2021 — (Всемирное наследие)

ISBN 978-5-17-138355-8

Петр Кропоткин – крупный русский ученый, революционер, один из главных теоретиков анархизма, который представлялся ему философией человеческого общества. Метод познания анархизма был основан на едином для всех законе солидарности, взаимной помощи и поддержки. Именно эти качества ученый считал мощными двигателями прогресса. Он был твердо убежден, что благородных целей можно добиться только благородными средствами. В своих идеологических размышлениях Кропоткин касался таких вечных понятий, как свобода и власть, государство и массы, политические права и обязанности. На все актуальные вопросы, занимающие умы нынешних философов, Кропоткин дал ответы, благодаря которым современный читатель сможет оценить значимость историософских построений автора. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 1(091)(470)
ББК 87.3(2)

ISBN 978-5-17-138355-8

© Кропоткин П. А., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Первый русский анархист	6
Анархия	11
1. Современная наука и анархия	11
I. Происхождение анархии	11
II. Умственное движение XVIII в.	14
III. Реакция в начале XIX в.	17
IV. Позитивная, т. е. положительная, философия Конта	22
V. Пробуждение в 1856–1862 гг.	25
VI. Синтетическая философия Спенсера	29
VII. О роли закона в обществе	32
VIII. Положение учения об анархии в современной науке	34
IX. Анархический идеал	37
X. Анархия	39
XI. Анархия (продолжение)	44
XII. Анархия (продолжение)	51
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Петр Кропоткин

Анархия

Предисловие и комментарии С. Ю. Нечаева

Серия «Всемирное наследие»

Дизайн серии Виктории Лебедевой

© Нечаев С. Ю., предисловие, комментарии, 2021

© Издательство АСТ, 2021

* * *

Первый русский анархист

Как известно, князь Петр Алексеевич Кропоткин (1842–1921) был русским революционером, философом и публицистом, а также создателем идеологии анархо-коммунизма и одним из самых влиятельных теоретиков анархизма.

По мнению Кропоткина, анархизм происходит из того же революционного протеста, того же людского недовольства, что и социализм. Он писал: «Как и социализм, анархизм родился среди народа». И еще так: «Анархизм представляет собой творческую созидательную силу самого народа, выработавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства».

Так уж получилось, что в последнее время в общественное сознание внедрился образ анархиста, неразрывно связанный с террором. Но Кропоткин не был террористом. Более того, у него нет работ, специально посвященных проблеме терроризма. Да, в принципе он не отрицал террор, однако его отношение к целесообразности этой тактики и ее эффективности было довольно сдержанным. И, кстати, борьбу террористов-народовольцев он считал обреченной на неудачу.

Результатом революции Кропоткин видел установление «безгосударственного коммунизма», то есть нового общественного строя в виде вольного федеративного союза самоуправляющихся единиц (общин, территорий, городов), и все это должно было быть основано на принципе добровольности и «безначалья».

Предполагалось коллективное ведение производства, коллективное распределение ресурсов и вообще коллективность всего, что относится к экономике, к сфере услуг, а также к человеческим взаимоотношениям.

Будучи высокообразованным человеком, Кропоткин пытался подвести под анархизм научную основу, чтобы аргументированно показать его необходимость.

Выпускник Пажеского корпуса и любимец царского двора, Кропоткин в свое время отказался от блестящей карьеры и поехал в Сибирь, чтобы путешествовать и участвовать в реформах, в которые он тогда еще верил. Разочаровавшись в них и в государстве, он бросил службу и погрузился в науку. А затем он бросил и любимую науку – ради революции и служения народу.

Для Кропоткина анархизм представлялся философией человеческого общества. Метод его познания был основан на едином для всех законе солидарности, взаимной помощи и поддержки. Он стремился доказать, что дарвиновское положение о борьбе за существование следует понимать как борьбу между видами и взаимопомощь внутри видов. Согласно Кропоткину, взаимная помощь и солидарность – это мощные двигатели прогресса.

Кропоткин считал, что «анархисты существовали во все времена истории». Он исследовал взаимопомощь среди племен бушменов и эскимосов, выявил ее роль в создании таких форм человеческого общежития, как род и община. В период Средневековья это были цехи, гильдии и вольные города, а в Новое время – страховые общества, кооперативы, объединения людей по интересам (научные, спортивные и другие общества). В таких человеческих организациях отсутствует какая-либо принудительная власть, а все основано на понимании и увлеченности людей своим делом.

В государстве все иначе. Но, по мнению Кропоткина, совершенно недопустимо отождествлять государство и правительство. Да, государство немыслимо без правительства, но «понятие о государстве подразумевает нечто совершенно другое, чем понятие о правительстве, – оно обнимает собою не только существование власти над обществом, но и сосредоточение управления местной жизнью в одном центре, т. е. территориальную концентрацию, а также сосредоточение многих отправлений общественной жизни в руках немногих». Государство, по словам Кропоткина, «предполагает возникновение совершенно новых отношений между раз-

личными членами общества», и весь механизм законодательства и полиции «выработан для того, чтобы подчинить одни классы общества господству других классов». В итоге, рабочий трудится более для государства, чем даже крепостной раб некогда работал на своего господина.

Взять те же налоги – важнейшее средство создания могущества государства. Правительства великолепно знают, что налог «представляет им самый удобный способ создавать большие состояния за счет малых, делать народ бедным и обогащать некоторых, отдавать с большими удобствами крестьянина и рабочего во власть фабриканта и спекулянта, поощрять одну промышленность за счет другой и все вообще промышленности – за счет земледелия и в особенности за счет крестьянина или же всего народа».

По мнению Кропоткина, налог – это «самая удобная для богатых форма, чтобы держать народ в нищете».

Плюс государство создает привилегии и монополии «в пользу некоторых из своих подданных и к невыгоде остальных». По сути, капитал и государство – это два параллельно растущих организма, которые невозможны один без другого, и против которых поэтому нужно всегда бороться вместе. Кропоткин был уверен, что государство никогда не смогло бы приобрести силу и мощь, если бы оно не покровительствовало росту земельного и промышленного капитала. И, конечно же, если бы оно не покровительствовало эксплуатации – сначала племен пастушеских народов, потом земледельческих крестьян и еще позднее промышленных рабочих.

Кропоткин отмечал, что через всю историю цивилизации проходят «два течения, две враждебные традиции». Это традиция власти и традиция свободы. Какое из них выбрать? Ответ Кропоткина на этот вопрос однозначен: «Наш выбор сделан. Мы пристаем к тому течению, которое еще в двенадцатом веке приводило людей к организации, основанной на свободном соглашении, на свободном почине личности, на вольной федерации тех, кто нуждается в ней».

А под свободой он понимал «возможность действовать, не вводя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно не исходит от друга)».

И Кропоткин призывал в наступившем двадцатом веке, каков бы ни был новый вид развития, к безгосударственной свободе. Почему к безгосударственной? Да потому, что не должно быть никаких властей, которые навязывают другим свою волю, никакого владычества человека над человеком. Не должно быть «никакой неподвижности в жизни, а вместо того – постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное, как бывает в жизни самой природы».

По мнению Кропоткина, лучшую основу для развития личности представляет собой коммунизм. Он писал: «Анархизм неизбежно ведет к коммунизму, а коммунизм – к анархизму, причем и тот и другой представляют собой не что иное, как выражение одного и того же стремления, преобладающего в современных обществах, – стремления к равенству». Но коммунизм Кропоткина – это был не коммунизм немецких теоретиков-государственников. Это был коммунизм анархический, коммунизм без правительства, коммунизм свободных людей. «Это – синтез, то есть соединение в одно двух целей, преследовавшихся человечеством во все времена: свободы экономической и свободы политической».

Но, говоря о свободе и о развитии личности, Кропоткин имел в виду не тот индивидуализм, который толкает людей на борьбу друг с другом, а «полный расцвет всех способностей человека, высшее развитие всего, что в нем есть оригинального, наибольшую деятельность его ума, чувств и воли». Таков был его идеал, но он прекрасно понимал, что во всей своей полноте это осуществится лишь в более или менее отдаленном будущем.

В данной книге собраны фрагменты различных работ Кропоткина, и характерной чертой всех из них является придание особого значения человеческой личности. По мнению Кропоткина, общество может прийти к процветанию, только учитывая интересы каждого отдельного человека и давая ему свободу самовыражения. Приводя пример империи Александра Маке-

донского, Кропоткин писал: «Водворилось государство, которое начало выжимать жизненные соки цивилизации, пока не настала смерть». И подобных примеров бесчисленное множество.

С другой стороны – сельская община. Там у людей имеется тысяча общих интересов, и свои проблемы люди решают сообща. Аналогична ситуация с гильдиями купцов и цехами ремесленников.

А что же государство?

По мнению Кропоткина, тут возникает неизбежная дилемма: «или государство должно быть разрушено, и в таком случае новая жизнь возникнет в тысяче и тысяче центров» (на почве личной и групповой инициативы, на почве вольного соглашения), «или государство раздавит личность и местную жизнь», «принесет с собой войны и внутреннюю борьбу из-за обладания властью, поверхностные революции, лишь сменяющие тиранов».

Кропоткин был уверен, что необходимо отвергнуть «владычество человека над человеком, какого бы вида оно ни было», а это значит – необходимо принять принципы анархизма.

По убеждениям Кропоткина, анархия – это не хаос, а свобода личности, мысли, творчества.

Кропоткин был уверен, что общество должно «стремиться установить в своей среде известное гармоническое соответствие – не посредством подчинения всех своих членов какой-нибудь власти, которая считалась бы представительницей всего общества, не попытками установить единообразие, а путем призыва людей к свободному развитию, к свободному почину, к свободной деятельности, к свободному объединению».

И свободу Кропоткин трактовал вовсе не как «осознанную необходимость» (что это за свобода, основанная на принуждении). По его мнению, «свобода есть возможность действовать, не входя в обсуждение своих поступков боязни общественного наказания (телесного, или страха голода, или даже боязни порицания, если только оно не исходит от друга)».

Кропоткин писал:

«Общество зиждется на сознании – хотя бы инстинктивном, – человеческой солидарности, взаимной зависимости людей. Оно зиждется на бессознательном или полуосознанном признании силы, заимствуемой каждым человеком из общей практики взаимопомощи; на тесной зависимости счастья каждой личности от счастья всех».

Ну а что же государство?

Кропоткин приводил такой довод: «Человек существовал уже в течение целых тысячелетий, прежде чем образовались первые государства». Он был убежден, что племена людей жили вполне достойно «званию» человека разумного задолго до первых деспотических государств.

Но, и от этого никуда не деться, в человеческом обществе идет извечная борьба двух течений – «народного и начальнического». В народе постоянно вырабатываются формы взаимопомощи и единения, но этому обязательно мешают люди, стремящиеся к власти, господству над народом, желающие добиться личных привилегий за счет других.

Кстати, сам Кропоткин никогда не претендовал на роль вождя и поводыря «темных масс», несмотря на то, что из всех российских революционеров именно он был не только одним из самых образованных, но и достиг наибольших успехов в научном познании.

Интеллектуальный потенциал Кропоткина был поистине колоссальным. И у этого удивительного князя имела место страстная вера в простой народ. Жажда справедливости не позволяла ему отрешенно мудрствовать, ведя академически бесстрастные изыскания. Каждая его книга, каждая статья – все пронизано его личными убеждениями.

Считается, что в своих философских воззрениях Кропоткин был последователем Огюста Конта и Герберта Спенсера. Он критически относился к метафизике и схоластике, считая, что на смену «отвлеченному философствованию» должен прийти «истинно научный метод». И общественным идеалом Кропоткина, как уже говорилось, был анархический (безгосудар-

ственный) коммунизм, в котором революционным путем будет полностью покончено с частной собственностью.

С другой стороны, будучи убежденным противником любой формы государственной власти, Кропоткин не принимал идею диктатуры пролетариата. По его мнению, любая диктатура, любая власть человека над человеком портит даже лучших из людей. И любые формы управления людьми, связанные с подавлением человека, противоречат природе анархизма.

После Февральской революции 74-летний Кропоткин вернулся из вынужденной эмиграции в Россию. Но он был разочарован этой революцией и особенно встречей с российскими анархистами, которых он посчитал грубыми развязными молодыми людьми, взявшими за основу принцип вседозволенности.

Кропоткин слишком долго пробыл за пределами России, и его успели порядком подзабыть. Выросло новое поколение российских анархистов, и они хотели «всего и сразу», не утруждая себя теорией. Тот же Нестор Махно с гордостью заявлял, что он – верный ученик Кропоткина. Однако при встрече с Кропоткиным весной 1918 года у них произошло недопонимание. Махно просил у Кропоткина совета: стоит ли пробраться нелегально на Украину для революционной работы? А Кропоткин ответил: «Этот вопрос связан с большим риском для вашей, товарищ, жизни, и только вы сами можете его разрешить». Но Махно понял это так: возраст ослабил волю и решимость «старика». Махно готов был рисковать своей жизнью и посылать на смерть других, а Кропоткин стоял на иной позиции. Он не раз рисковал своей жизнью, но не смел распоряжаться судьбой кого бы то ни было.

Удивительное дело, анархистские постулаты Кропоткина зарядили революционную среду своей непримиримостью, а его идеи приобрели интерпретацию крайнего индивидуализма воинствующего толка и насильственных проявлений. Но сам Кропоткин не принимал этого, а таким людям, как Махно, более по душе в то время был, например, Троцкий с его кипящими страстями речами.

А. Ф. Керенский предложил Кропоткину войти в состав Временного правительства, но тот отказался, заявив, что не желает участвовать в работе государственного аппарата, становиться его деталью, начальствовать. Он прямо сказал: «Я считаю ремесло чистильщика сапог более честным и полезным!»

Достаточно быстро Кропоткин разочаровался и в Октябрьском революционном перевороте. При большевиках он обосновался в подмосковном Дмитрове. Там он и умер 8 февраля 1921 года. А до этого он резко критиковал марксистов за теорию государственного социализма и за раскол в Международном товариществе рабочих. Он не менее двух раз лично встречался с В. И. Лениным, и он обвинил его в порождении класса новой бюрократии, развязывании гражданской войны и «красного террора». Кропоткин написал несколько писем Ленину, и в одном из них было сказано:

«Бросаться в красный террор, а тем более брать заложников <...> недостойно социалистической революционной партии и позорно для ее руководителей <...> Открыть эру красного террора – значит признать бессилие революции <...> Полиция не может быть строительницей новой жизни. А между тем она становится теперь верховной властью в каждом городе и деревушке. Куда это ведет Россию? К самой злостной реакции».

Кропоткин писал Ленину, что Россия стала Советской Республикой лишь по имени, что теперь в России правят не Советы, а партийные комитеты, что если такое положение продлится, то само слово «социализм» обратится в проклятье.

В ответ на подобные упреки Ленин, по воспоминанию его секретаря В. Д. Бонч-Бруевича, ответил Кропоткину: «Ну, ничего не поделаешь! Революцию в белых перчатках не сделаешь».

На самом деле Ленин говорил еще более страшные вещи: «Революции в белых перчатках не делаются. Пока нет насилия над массами, нет иного пути к власти. Нужно поощрять энергию и массовидность террора. Массовые обыски. Расстрел за хранение оружия. Беспощадный

террор против кулаков, попов и белогвардейцев; сомнительных запереть в концентрационный лагерь. Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал. Пусть 90 % русского народа погибнет, лишь бы 10 % дожили до мировой революции».

В апреле 1919 года Кропоткин написал:

«Согласно моему взгляду, попытка построить коммунистическую республику на основе строго централизованного государственного коммунизма под железным законом партийной диктатуры в конце концов потерпит банкротство. На России мы учимся, как нельзя вводить коммунизм даже с народом, который устал от старого режима и не оказывает активного сопротивления экспериментам новых правителей».

И он оказался прав. Это банкротство мы видели своими глазами...

П. А. Кропоткин по праву может считаться последним энциклопедистом – он разбирался во многих областях знаний, и его идеи часто не были поняты современниками. Он своей собственной жизнью доказал верность своих идеалов. У него не было расхождений между интеллектуальной и практической деятельностью, нравственными идеалами и поведением, образом мыслей и образом жизни. Он был твердо убежден: благородных целей можно добиться только благородными средствами. И в этом он актуален и сегодня, так как проблемы, рассматривавшиеся и критиковавшиеся им, никуда не делись. Ведь до сих пор существуют социальная несправедливость, кровавые войны, индустриально-капиталистическая система подавления, подчинение человека неумолимой и не зависящей от него логике рынка и мощной государственной бюрократии.

На все актуальные вопросы, занимающие умы нынешних философов, Кропоткин дал свои ответы. Это заставляет нас более внимательно относиться к его наследию, ведь истину далеко не всегда следует искать в чем-то новом. Иногда ее можно найти в давно забытом прошлом.

Сергей Нечаев

Анархия

1. Современная наука и анархия

1. Происхождение анархии

*Два основных течения в обществе: народное и начальническое. –
Сродство анархизма с народно-созидательным течением*

Анархия, конечно, ведет свое происхождение не от какого-нибудь научного открытия и не от какой-нибудь системы философии. Общественные науки еще очень далеки от того момента, когда они получают ту же степень точности, как физика или химия. И если мы в изучении климата и погоды не достигли еще того, чтобы предсказывать предстоящую погоду за месяц или даже неделю вперед, то было бы нелепо претендовать, что в общественных науках, имеющих дело с явлениями гораздо более сложными, чем ветер и дождь, мы могли бы уже предсказывать научно грядущие события. Не надо забывать тем более, что ученые – такие же люди, как и все другие, и что в большинстве они принадлежат к зажиточным классам и поэтому разделяют все предрассудки этих классов; многие из них даже находятся прямо на службе у государства. Понятно, что не из университетов идет к нам анархизм.

Как и социализм вообще и как всякое другое общественное движение, анархизм родился среди народа, и он сохранит свою жизненность и творческую силу только до тех пор, пока он будет оставаться народным.

Во все времена в человеческих обществах сталкивались в борьбе два враждебных течения. С одной стороны, народ, народные массы вырабатывали в форме обычая множество учреждений, необходимых для того, чтобы сделать жизнь в обществах возможной, – чтобы поддерживать мир, улаживать ссоры и оказывать друг другу помощь во всем, что требует соединенных усилий. Родовой быт у дикарей, затем, позднее, сельская община и, еще позднее, промышленная гильдия и средневековые вольные города – республики вечевоего строя, которые положили первые основания международного права, – все эти и многие другие учреждения были выработаны не законодателями, а творческим духом самих народных масс.

С другой стороны, во все времена существовали колдуны, маги, вызыватели дождя, оракулы, жрецы. Они были первыми обладателями знания природы и первыми основателями различных религиозных культов (культ солнца, сил природы, предков и т. д.), так же как различных обрядностей, помогавших поддерживать единство союзов между отдельными племенами.

В эти времена первые зачатки изучения природы (астрономия, предсказание погоды, изучение болезней и т. д.) были тесно связаны с различными суевериями, выраженными в различных обрядностях и культах. Все искусства и ремесла имели такое же происхождение и вытекали из изучения и суеверий. И каждое из них имело свои мистические формулы, которые сообщались только посвященным и оставались старательно скрытыми от народных масс.

Рядом с этими первыми представителями науки и религии мы находим также людей, которые, как барды, ирландские брегоны¹, сказители законов у скандинавских народностей и

¹ Брегоны у кельтов – это судьи, вещатели права, хранители формул и довольно сложных обрядов. Брегоны были также поэтами и стояли во главе школ, в которых путем устной передачи изучалось право вместе с правилами поэтического творчества.

т. д., рассматривались как знатоки и хранители преданий и старых обычаев, к которым все должны были обращаться в случае несогласия и ссор... Они хранили законы в своей памяти (иногда при помощи знаков, которые были зачатками письма), и в случае разногласий к ним обращались как к посредникам.

Наконец, были также временные начальники боевых дружин, владевшие, как предполагалось, колдовскими чарами, при помощи которых они могли обеспечить победу; они владели также тайнами отравления оружия и другими военными секретами.

Эти три категории людей всегда, с незапамятных времен составляли между собой тайные общества, чтобы сохранять и передавать следующему поколению (после долгого и тяжелого периода посвящения) тайны их специальностей; и если иногда они боролись друг с другом, они всегда кончали тем, что приходили к взаимному соглашению. Тогда они спланивались между собой, вступали в союз и поддерживали друг друга, чтобы господствовать над народом, держать его в повиновении, управлять им – и заставлять его работать на них.

Очевидно, что анархизм представляет собой первое из этих двух течений, то есть творческую созидательную силу самого народа, выработавшего учреждения обычного права, чтобы лучше защититься от желающего господствовать над ним меньшинства. Именно силою народного творчества и народной созидательной деятельности, опирающейся на всю мощь современной науки и техники, анархизм и стремится теперь выработать учреждения, необходимые для обеспечения свободного развития общества, – в противоположность тем, кто возлагает всю свою надежду на законодательство, выработанное правительством, состоящим из меньшинства и захватившим власть над народными массами при помощи суровой жестокой дисциплины.

В этом смысле анархисты и государственники существовали во все времена истории.

Затем во все времена происходило также то, что все учреждения, даже самые лучшие, которые были выработаны первоначально для поддержания равенства, мира и взаимной помощи, со временем застывали, окаменевали, по мере того как они старели и дряхлели. Они теряли свой первоначальный смысл, подпадали под владычество небольшого властолюбивого меньшинства и кончали тем, что становились препятствием для дальнейшего развития общества. Тогда отдельные личности восставали против этих учреждений. Но тогда как одни из этих недовольных, восставая против учреждения, которое, устарев, стало стеснительным, старались видоизменить его в интересах всех, и в особенности низвергнуть чуждую ему власть, которая в конце концов завладела этим учреждением, – другие стремились освободиться от того или иного общественного установления (род, сельская коммуна, гильдия и т. д.) исключительно для того, чтобы стать вне этого учреждения и над ним, – чтобы господствовать над другими членами общества и обогащаться за их счет.

Все реформаторы, политические, религиозные и экономические, принадлежали к первой из этих категорий. И среди них всегда находились такие личности, которые, не дожидаясь того, чтобы все их сограждане или даже меньшинство среди них прониклись теми же взглядами, шли сами вперед и восставали против угнетения – или более-менее многочисленными группами, или совсем одни, если за ними никто не следовал. Таких революционеров мы встречаем во все эпохи истории.

Однако сами революционеры были также двух совершенно различных родов. Одни из них, вполне восставая против власти, выросшей внутри общества, вовсе не стремились уничтожить ее, а желали только завладеть ею сами. На месте власти, устаревшей и ставшей стеснительной, они стремились образовать новую власть, обладателями которой они должны были стать сами, и они обещали, часто вполне чистосердечно, что новая власть будет держать близко к сердцу интересы народа, истинной представительницей которого она явится, – но это обещание позднее неизбежно ими забывалось или нарушалось. Таким образом, между прочим, создавалась императорская власть цезарей в Риме, церковная власть в первые века христианства, власть диктаторов в эпоху упадка средневековых городов-республик и так далее. То же тече-

ние было использовано для образования в Европе королевской власти в конце феодального периода. Вера в императора-«народника», Цезаря, не угасла еще даже и в наши дни.

Но рядом с этим государственным течением утверждалось также другое течение в такие эпохи пересмотра установленных учреждений. Во все времена, начиная с Древней Греции и до наших дней, появлялись личности и течения мысли и действия, стремившиеся не к замене одной власти другой, а к полному уничтожению власти, завладевшей общественными учреждениями, не создавая вместо нее никакой другой власти. Они провозглашали верховные права личности и народа и стремились освободить народные учреждения от государственных настов, чтобы иметь возможность дать коллективному народному творчеству полную свободу, чтобы народный гений мог свободно перестроить учреждения взаимной помощи и защиты согласно новым потребностям и новым условиям существования. В городах Древней Греции и особенно в средневековых городах (Флоренция, Псков и т. д.) мы находим много примеров борьбы этого рода.

Мы можем, следовательно, сказать, что всегда существовали якобинцы² и анархисты между реформаторами и революционерами.

В прошлые века происходили даже громадные народные движения, запечатленные анархическим характером. Многие тысячи людей в селах и городах поднимались тогда против государственного принципа, против органов государства и его орудий – судов и законов – и провозглашали верховные права человека. Они отрицали все писанные законы и утверждали, что каждый должен повиноваться лишь голосу своей собственной совести. Они стремились создать, таким образом, общество, основанное на принципах равенства, полной свободы и труда. В христианском движении, начавшемся в Иудее в правление Августа против римского закона, против римского государства и римской тогдашней нравственности (или, вернее, безнравственности), было, без сомнения, много серьезных анархических элементов. Но понемногу оно выродилось в церковное движение, построенное по образцу древнееврейской церкви и самого императорского Рима, – и это, очевидно, убило то, что христианство имело в себе анархического в начале своего существования; оно придало ему римские формы и сделало из него в скором времени главный оплот и поддержку власти, государства, рабства и угнетения. Первые зародыши «оппортунизма», которые были введены в христианство, уже заметны в Евангелиях и в Посланиях Апостолов или, по крайней мере, в тех редакциях этих писаний, которые составляют Новый Завет.

Точно так же в движении анабаптистов³ шестнадцатого века, которое начало и произвело Реформацию, было очень много анархического. Но раздавленное теми из реформаторов, которые под руководством Лютера соединились с принцами и князьями против восставших крестьян, это движение было задавлено ужасными кровавыми расправами над крестьянами и «простонародьем» городов. Тогда правое крыло реформаторов выродилось понемногу и превратилось в тот компромисс со своею совестью и государством, который существует теперь под именем протестантизма.

² Якобинцы – участники Якобинского клуба, французского политического клуба эпохи Великой французской революции. Это было самое известное и влиятельное политическое движение революции, провозгласившее насилие приоритетным для достижения своих целей. Свое название Якобинский клуб получил от места проведения заседаний в доминиканском монастыре Святого Якова на улице Сен-Жак. Клуб был закрыт 11 ноября 1794 года. А начиная с XIX века термин «якобинцы» стал употребляться для обозначения радикальных политических течений.

³ Анабаптисты, или вновь крещенные – название участников радикального религиозного движения эпохи Реформации (XVI век) в основном в Германии, Швейцарии и Нидерландах, полученное ими от своих противников. Сами анабаптисты предпочитали называть себя «крещенцами», подчеркивая крещение как сознательный выбор. Основным признаком движения был призыв к повторному крещению в сознательном возрасте. Представители радикальной части анабаптистов (многие из которых придерживались коммунистической идеи общности имущества, а некоторые и общности женщин) приняли участие в Крестьянской войне 1524–1525 гг., образовали Мюнстерскую коммуну в 1534–1535 гг. и в конце концов были уничтожены.

Итак, подводя вкратце итог сказанному, – анархизм родился из того же протеста, критического и революционного, из которого родился вообще весь социализм. Только некоторые социалисты, дойдя до отрицания капитала и общественного строя, основанного на порабощении труда капиталом, остановились на этом. Они не восстали против того, что составляет, по нашему мнению, истинную силу капитала – государства и его главных оплотов: централизации власти, закона (составленного всегда меньшинством и в пользу меньшинства) и суда, созданных главным образом ради защиты власти и капитала.

Что касается анархизма, то он не останавливается на одной критике этих учреждений. Он поднимает свою святотатственную руку не только против капитала, но также против его оплотов: государства, централизации и установленных государством законов и суда.

II. Умственное движение XVIII в.

Его основные черты: исследование всех явлений научным методом

Но если анархизм, подобно всем другим революционным направлениям, зародился среди народов, в шуме борьбы, а не в кабинете ученого, то тем не менее важно знать, какое место он занимает среди различных научных и философских течений мысли, существующих в настоящее время? Как относится анархизм к этим различным течениям? На которое из них он преимущественно опирается? Каким методом исследования он пользуется, чтобы обосновать и подкрепить свои выводы и заключения? Иначе говоря, к какой школе философии права принадлежит анархизм? И с каким из ныне существующих направлений в науке он выказывает наибольшее сходство?

Ввиду того непомерного увлечения экономической метафизикой, которое мы видели в последнее время в социалистических кругах, этот вопрос представляет известный интерес. Поэтому я постараюсь ответить на него кратко и возможно просто, избегая мудреных слов там, где их можно избежать.

Умственное движение XIX в. ведет свое происхождение от работ английских и французских философов середины и начала предыдущего столетия.

Всеобщий подъем мысли, начавшийся в ту пору, воодушевил этих мыслителей желанием охватить все человеческие знания в одной общей системе – системе природы. Отбросив окончательно средневековую схоластику⁴ и метафизику⁵, они имели смелость взглянуть на всю природу – на звездный мир, на нашу Солнечную систему и на наш земной шар, на развитие растений, животных и человеческих существ на поверхности земли – как на ряд фактов, могущих быть изученными по такому же методу, по какому изучают естественные науки.

Широко пользуясь истинно научным, индуктивно-дедуктивным методом, они приступили к изучению всех групп явлений, какие мы наблюдаем в природе, будь то явления из мира звезд, или мира животных, или из мира человеческих верований и учреждений, – совершенно так же, как если бы это были вопросы физики, изучаемые натуралистом.

⁴ Схоластика – это европейская средневековая философия, сконцентрированная вокруг университетов и представляющая собой синтез христианского (католического) богословия и логики Аристотеля. Схоластика характеризуется соединением теолого-догматических предпосылок с рационалистической методикой и интересом к формально-логическим проблемам. В повседневной жизни схоластикой часто называют представления, оторванные от жизни, основывающиеся на отвлеченных рассуждениях, не проверяемых опытом.

⁵ Метафизика – это раздел философии, занимающийся исследованиями первоначальной природы реальности, мира и бытия как такового. Основные метафизические вопросы: Что есть причина причин? Каковы истоки истоков? Каковы начала начал?

Они сначала тщательно собирали факты, и когда они затем строили свои обобщения, то они делали это путем наведения (индукции). Они строили известные предположения (гипотезы), но этим предположениям они приписывали не больше значения, чем Дарвин своей гипотезе о происхождении новых видов путем борьбы за существование или Менделеев своему «периодическому закону». Они видели в них лишь предположения, которые представляют возможное и вероятное объяснение и облегчают группировку фактов и их дальнейшее изучение; но они не забывали, что эти предположения должны быть подтверждены приложением к множеству фактов и объяснены также дедуктивным путем и что они могут стать законами, т. е. доказанными обобщениями, не раньше, чем они выдержат эту проверку, и после того, как причины постоянных соотношений и закономерности между ними будут выяснены.

Когда центр философского движения XVIII века был перенесен из Англии и Шотландии во Францию, то французские философы, с присущим им чувством стройности и системы, принялись строить по одному общему плану и на тех же началах все человеческие знания: естественные и исторические. Они сделали попытку построить обобщенное знание-философию всего мира и всей его жизни в строго научной форме, отбрасывая всякие метафизические построения предыдущих философов и объясняя все явления тех же физических (то есть механических) сил, которые оказались для них достаточными для объяснения происхождения и развития земного шара.

Говорят, что когда Наполеон I сделал Лапласу⁶ замечание, что в его «Изложении системы мира» нигде не упоминается имя Бога, то Лаплас ответил: «Я не нуждался в этой гипотезе». Но Лаплас сделал лучше. Ему не только не понадобилась такая гипотеза, но, более того, он не чувствовал надобности вообще прибегать к мудреным словам метафизики, за которыми прячутся туманное непонимание и полунепонимание явлений и неспособность представить их себе в конкретной, вещественной форме в виде измеримых величин. Лаплас обошелся без метафизики так же хорошо, как без гипотезы о творце мира. И хотя его «Изложение системы мира» не содержит в себе никаких математических вычислений и написано оно языком, понятным для всякого образованного читателя, математики смогли впоследствии выразить каждую отдельную мысль этой книги в виде точных математических уравнений, то есть в отношениях измеримых величин, — до того точно и ясно мыслил и выражался Лаплас!

Что Лаплас сделал для небесной механики, то французские философы XVIII в. пытались сделать, в границах тогдашней науки, для изучения жизненных явлений (физиологии), а также явлений человеческого познания и чувства (психологии). Они отвергли те метафизические утверждения, которые встречались у их предшественников и которые мы видим позднее у немецкого философа Канта⁷. В самом деле, известно, что Кант, например, старался объяснить нравственное чувство в человеке, говоря, что это есть «категорический императив» и что известное правило поведения обязательно, «если мы можем принять его как закон, способный к всеобщему приложению». Но каждое слово в этом определении представляет что-то туманное и непонятное («императив», «категорический», «закон», «всеобщий») вместо того вещественного, всем нам известного факта, который требовалось объяснить.

Французские энциклопедисты не могли удовольствоваться подобными «объяснениями» при помощи «громких слов». Как их английские и шотландские предшественники, они не могли для объяснения того, откуда в человеке является понятие о доброте и зле, вставлять, как выражается Гёте, «словечко там, где не хватает идеи». Они изучали этот вопрос и — так же,

⁶ Пьер-Симон де Лаплас (1749–1827) — французский математик, механик, физик и астроном, один из создателей теории вероятностей. Имя Лапласа внесено в список величайших ученых Франции, помещенный на первом этаже Эйфелевой башни.

⁷ Иммануил Кант (1724–1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии, человек, оказавший огромное влияние на историю современной западной философии. Написал ставший важнейшим и в то же время одним из самых трудных для понимания философских трудов — «Критика чистого разума». Идеальный вдохновитель философской школы неокантианства.

как сделал Гэтчесон⁸ в 1725 г., а позже Адам Смит⁹ в своем лучшем произведении «Происхождение нравственных чувств»¹⁰, — нашли, что нравственные понятия в человеке развились из чувства сожаления и симпатии, которое мы чувствуем по отношению к тому, кто страдает, причем они происходят от способности, которой мы одарены, отождествлять себя с другими настолько, что мы чувствуем почти физическую боль, если в нашем присутствии бьют ребенка, и мы возмущаемся этим.

Исходя из такого рода наблюдений и всем известных фактов, энциклопедисты приходили к самым широким обобщениям. Таким образом, они действительно объясняли нравственное понятие, являющееся сложным явлением, более простыми фактами. Но они не подставляли вместо известных и понятных фактов непонятные, туманные слова, ничего не объяснявшие, вроде «категорического императива» или «всеобщего закона».

Преимущество метода, принятого энциклопедистами, очевидно. Вместо «вдохновения свыше», вместо неестественного и сверхъестественного объяснения нравственных чувств они говорили человеку: «Вот чувство жалости, симпатии, имевшееся у человека всегда со времени его появления на свет, использованное им в его первых наблюдениях над себе подобными и постепенно усовершенствованное, благодаря опыту общественной жизни. Из этого чувства происходят у нас наши нравственные понятия».

Таким образом, мы видим, что мыслители XVIII в. не меняли своего метода, переходя от мира звезд к миру химических реакций или даже от физического и химического мира к жизни растений и животных или к развитию экономических и политических форм общества, к эволюции религий и т. п. Метод оставался всегда тот же самый. Во всех отраслях науки они прилагали всегда индуктивный метод. И так как ни в изучении религий, ни в анализе нравственных понятий, ни в анализе мышления вообще они не встречали ни одного пункта, где бы этот метод оказался недостаточным и где был бы приложим другой метод, и так как нигде они не видели себя принужденными прибегать ни к метафизическим понятиям (Бог, бессмертная душа, жизненная сила, категорический императив, внушенный высшим существом, и т. п.), ни к диалектическому методу, то они стремились объяснять Вселенную и все явления мира при помощи того же естественно-научного метода.

В течение этих лет замечательного умственного развития энциклопедисты составили свою монументальную Энциклопедию; Лаплас опубликовал свою «Систему мира»¹¹ и Гольбах — «Систему природы»¹²; Лавуазье¹³ утверждал неуничтожаемость материи и, следовательно, энергии, движения. Ломоносов в России, вдохновленный, вероятно, Бейлем¹⁴, набрасывал уже в это время механическую теорию теплоты; Ламарк¹⁵ объяснял появление бесконечного раз-

⁸ Фрэнсис Гэтчесон (1694–1747) — сын протестантского пастора в Северной Ирландии, профессор нравственной философии в университете Глазго.

⁹ Адам Смит (1723–1790) — шотландский экономист и философ, один из основоположников экономической теории как науки. Считается основателем классической политэкономии.

¹⁰ «Теория нравственных чувств» (The Theory of Moral Sentiments) — книга Адама Смита, опубликованная в 1759 году. При жизни автора эта книга выдержала шесть изданий, а первые переводы на иностранные языки (французский и немецкий) были осуществлены соответственно в 1764 и 1770 гг.

¹¹ В своей книге «Изложение системы мира» Лаплас в популярной форме изложил содержание своего фундаментального «Трактата по небесной механике» и на основе закона всемирного тяготения объяснил все наблюдаемые движения планет и спутников солнечной системы. Книга вышла в Париже в 1795 году.

¹² Поль-Анри Тири, барон д'Ольбах (фон Гольбах) (1723–1789) — французский философ немецкого происхождения, писатель, энциклопедист. Его основное и наиболее известное сочинение называется «Система природы, или О законах мира физического и мира духовного». Оно вышло в свет в 1770 году. Книга представляет собой наиболее всестороннее обоснование материализма и атеизма той эпохи, и современники называли ее «Библией материализма».

¹³ Антуан Лоран Лавуазье (1743–1794) — французский естествоиспытатель, основатель современной химии.

¹⁴ Пьер Бейль (1647–1706) — один из влиятельнейших французских мыслителей и философско-богословский критик.

¹⁵ Жан-Батист Пьер Антуан де Моне, шевалье де Ламарк (1744–1829) — французский ученый-естествоиспытатель. Стал первым биологом, который попытался создать стройную и целостную теорию эволюции живого мира.

нообразия видов растений и животных при помощи их приспособления к различной среде; Дидро давал объяснения нравственности, обычаев, первобытных учреждений и религий, не прибегая ни к каким внушениям свыше; Руссо старался объяснить зарождение политических учреждений путем общественного договора, то есть акта человеческой воли. Словом, не было ни одной области, изучение которой не было бы начато на почве фактов, при помощи того же естественно-научного метода индукции и дедукции, проверенного наблюдением фактов и опытом.

Конечно, были сделаны ошибки в этой огромной и смелой попытке. Там, где в то время не хватало знаний, высказывались предположения, иногда поспешные, а иногда совершенно ошибочные. Но новый метод был приложен к разработке всех отраслей знания, и благодаря ему самые ошибки впоследствии были легко открыты и исправлены. Таким образом, XIX в. получил в наследство могучее орудие исследования, которое дало нам возможность построить наше мирозерцание на научных началах и освободить его, наконец, от затемнявших его предрассудков и от туманных, ничего не говоривших слов, которые были введены благодаря дурной привычке отделяться таким образом от трудных вопросов.

III. Реакция в начале XIX в.

Застой научной мысли. – Пробуждение социализма; его влияние на развитие науки. – Пятидесятые годы

После поражения Великой Французской революции Европа, как известно, пережила период всеобщей реакции: в области политики, науки и философии. Белый террор Бурбонов, Священный союз, заключенный в 1815 г. между монархами Австрии, Пруссии и России для борьбы против либеральных идей, мистицизм и «набожность» высшего европейского общества и государственная полиция повсюду торжествовали по всей линии.

Однако основные принципы революции не должны были погибнуть. Освобождение крестьян и городских рабочих, вышедших из полурабского состояния, в котором они до тех пор пребывали, равенство перед законом и представительное правление – эти три принципа, провозглашенные революцией и пронесенные революционными армиями по всей Европе вплоть до Польши, пролагали себе путь в Европе, как во Франции. После революции, провозгласившей великие принципы свободы, равенства и братства, началась медленная эволюция, то есть медленное преобразование учреждений: приложение в повседневной жизни общих принципов, провозглашенных в 1789–1793 гг. Заметим, кстати, что такое осуществление эволюцией начал, выставленных предыдущей революционной бурей, может быть признано как общий закон общественного развития.

Хотя церковь, государство и даже наука начали топтать в грязь то знамя, на котором революция начертала свой клич: «Свобода, Равенство и Братство», и хотя приспособление к существующему стало тогда всеобщим лозунгом, даже в философии, тем не менее великие принципы свободы проникали всюду в жизнь. Правда, крепостные обязательства крестьян, так же как и инквизиция, уничтоженные революционными армиями в Италии и Испании, были восстановлены. Но им был уже нанесен смертельный удар, от которого они никогда не оправились.

Волна освобождения дошла сначала до Западной Германии, потом она докатилась до Пруссии и Австрии и распространилась по полуостровам Испании, Италии и Греции; идя на восток, она достигла в 1861 г. до России и в 1878 г. до Балкан. Рабство исчезло в Америке в 1863 г. В то же время идеи равенства всех перед законом и представительного правления

распространились также с запада на восток, и к концу столетия одна только Россия и Турция оставались еще под игом самодержавия, впрочем, уже весьма ослабевшего.

Более того, на рубеже двух столетий, XVIII–XIX вв., мы встречаем уже громко провозглашенные идеи экономического освобождения. Сейчас же после низложения королевской власти населением Парижа 10 августа 1792 г., и в особенности после свержения жирондистов¹⁶ 2 июня 1793 г., мы видим в Париже и по всей стране подъем коммунистических настроений; революционные «секции» больших городов и многих муниципалитетов маленьких городов во Франции действуют в этом направлении.

Интеллигентные люди нации заявляли, что равенство должно перестать быть пустым словом – оно должно претвориться в факт. А так как тяжесть войны, которую революция должна была вести против «королей-заговорщиков», падала прежде всего на бедных, то народ заставлял комиссаров Конвента¹⁷ проводить коммунистические меры в смысле уравнивания всех граждан.

Сам Конвент принужден был действовать в коммунистическом направлении и принял несколько мер, имевших целью «уничтожение бедности» и «уравнивание состояний». После того как жирондисты были изгнаны из правительства во время восстания 31 мая – 2 июня 1793 г., Конвент был даже принужден провести законы, имевшие в виду национализацию не только земли, но также и торговли, по крайней мере, торговли предметами первой необходимости.

Это движение, очень глубокое, продолжалось вплоть до июля 1793 г., когда буржуазная реакция жирондистов, войдя в сношение с монархистами, взяла верх 9-го термидора¹⁸. Но, несмотря на короткий срок, оно придало XIX в. свой явный отпечаток – коммунистическое и социалистическое направление наиболее передовых элементов.

Пока движение 1793–1794 гг. продолжалось, оно находило для своего выражения народных ораторов. Но среди писателей того времени не было во Франции никого, кто мог бы дать литературное выражение этим идеям (которые называли тогда «дальше Марата») и произвести длительное впечатление на умы.

И только в Англии, уже в 1793 г., выступил Годвин¹⁹, опубликовав свой поистине замечательный труд «Исследование политической справедливости и ее влияния на общественную нравственность» (*Enquiry concerning Political Justice and its influence on general virtue and happiness*), где он явился первым теоретиком социализма без правительства, то есть анархизма, а с другой стороны Бабеф²⁰, под влиянием, по-видимому, Буонарроти²¹, выступил в 1795 г. во

¹⁶ Жирондисты – одна из политических партий в эпоху Великой Французской революции. Свое название партия получила от департамента Жиронда (с главным городом Бордо), избравшего в октябре 1791 года в Законодательное собрание депутатами местных адвокатов Верньо, Гюаде, Жансонне, Гранжнёва и молодого купца Дюко, кружок которых и был первоначальным ядром партии. Сторонники личной свободы, поклонники демократической политической теории Руссо, пламенные защитники революции, жирондисты отличались прекрасным красноречием, но не обнаружили ни организаторского таланта, ни партийной дисциплины. Вначале они были частью якобинского движения, боролись за конец монархии, но затем восстали против перерастания революции в анархию под влиянием парижской черни. После их поражения во Франции началась «эпоха террора».

¹⁷ Национальный Конвент (*Convention nationale*) – высший законодательный и исполнительный орган Первой французской республики во время Великой французской революции, действовавший с 21 сентября 1792 года по 26 октября 1795 года. Это первая французская законодательная ассамблея, выбранная на основе всеобщего избирательного права.

¹⁸ Термидорианский переворот – государственный переворот, произошедший 27 июля 1794 года (9 термидора II года по республиканскому календарю) во Франции и ставший одним из ключевых событий Великой французской революции. Привел к аресту и казни Максимилиана Робеспьера и его сторонников. Положил конец «эпохе террора».

¹⁹ Уильям Годвин (1756–1836) – английский журналист, политический философ и романист, драматург, один из основателей либеральной политической философии, основатель философского анархизма. Он считал, что правительство является «необходимым злом», но что оно будет становиться все более ненужным по мере постепенного распространения знаний. Годвин считал, что люди должны терпеть правительство так мало, насколько это возможно, а сами – эволюционировать во взаимодействии друг с другом.

²⁰ Граф Бабеф (настоящее имя – Франсуа-Ноэль Бабеф) (1760–1797) – французский революционный коммунист-утопист, руководитель движения «во имя равенства» во время Директории.

Франции в качестве первого теоретика централизованного социализма, т. е. государственного коммунизма, который почему-то в Германии и России приписывают теперь Марксу.

Затем, разрабатывая принципы, уже намеченные, таким образом, в конце XVIII в., появляются в XIX в. Фурье²², Сен-Симон²³ и Роберт Оуэн²⁴ – три основателя современного социализма в его трех главных школах; а еще позднее, в 40-х годах, явился Прудон²⁵, который, не зная работ Годвина, положил сызнова основы анархизма.

Научные основы социализма как государственного, так и безгосударственного были таким образом разработаны еще в начале XIX в. с полнотою, к сожалению, неизвестной нашим современникам. Современный же социализм, считающий свое существование со времени Интернационала²⁶, пошел дальше этих основателей только в двух пунктах, правда, очень важных: он стал революционным, и он порвал с идеей о «социалисте и революционере Христе», которую любили выставлять до 1848 г.

Современный социализм понял, что, для того чтобы осуществить его идеалы, нужна социальная революция, не в том смысле, в котором употребляют иногда слово «революция», говоря о «революции промышленной» или «революции в науках», но в точном, ясном смысле этого слова, – в смысле всеобщей и немедленной перестройки самых основ общества. С другой стороны, современный социализм перестал смешивать свои воззрения с весьма неглубокими и сентиментальными реформами, о которых говорили некоторые христианские реформаторы. Но это последнее – это нужно помнить – уже было сделано Годвином, Фурье и Робертом Оуэном. Что же касается до администрации, централизации и культа власти и дисциплины, которыми человечество обязано особенно духовенству и римскому императорскому закону, то эти «пережитки» темного прошлого, как их прекрасно охарактеризовал П. Л. Лавров²⁷, до сих пор еще удержались полностью среди многих социалистов, которые, таким образом, еще не достигли уровня своих французских и английских предшественников.

²¹ Филиппо Джузеппе Мария Людовико Микеле Буонарроти (1761–1837) – итальянский и французский политический деятель и революционер.

²² Франсуа-Мари-Шарль Фурье (1772–1837) – французский философ и социолог, один из представителей утопического социализма, автор термина «феминизм».

²³ Анри Сен-Симон (полное имя – Клод-Анри де Рувруа, граф де Сен-Симон) (1760–1825) – французский философ, социолог, социальный реформатор, основатель школы утопического социализма.

²⁴ Роберт Оуэн (1771–1858) – английский философ, педагог и социалист, один из первых социальных реформаторов XIX века.

²⁵ Пьер-Жозеф Прудон (1809–1865) – французский политик, публицист, экономист, философ и социолог. Был членом французского парламента и первым человеком, назвавшим себя анархистом. Считается одним из наиболее влиятельных теоретиков анархизма. Но Прудон, в отличие от других идеологов анархизма, не был последовательным противником государства. Он писал: «Анархия так же мало получает применения в человечестве, как беспорядок в мироздании». Он считал, что все формы правления хороши, если правительство действует в духе справедливости, а это возможно тогда, когда оно допускает самую широкую свободу, когда существует автономия и децентрализация.

²⁶ Первый интернационал (официальное название – Международное товарищество трудящихся или Международное товарищество рабочих) – первая массовая международная организация рабочего класса, учрежденная 28 сентября 1864 года в Лондоне. Объединяла ячейки из 13 европейских стран и США. Организация прекратила свое существование в 1876 году после раскола, состоявшегося в 1872 году. После раскола образовался «Анархистский интернационал», что стало итогом внутренних интриг в Первом интернационале (из него были исключены лидеры антиавторитарного крыла М. А. Бакунин и Джеймс Гильом). После этого сторонники Бакунина собрались на конгресс в Сент-Имье (Швейцария), где и был создан «Анархистский (Антиавторитарный) интернационал». Его программа гласила, что «разрушение политической власти является первым долгом пролетариата», что «любая организация политической власти, якобы временной и революционной для этого разрушения, может быть только еще одним обманом», и что «чтобы совершить социальную революцию, пролетарии всех стран должны установить, вне всякой буржуазной политики, солидарность революционного действия». После этого «Анархистский интернационал» просуществовал еще несколько лет, собрав четыре конгресса: в Женеве (1873), Брюсселе (1874), Берне (1876) и Верьвье (1877), после чего прекратил свое существование, тем самым пережив на год марксистскую часть Первого интернационала, которые распустили свое объединение в июле 1876 года.

²⁷ Петр Лаврович Лавров (1823–1900) – русский социолог, философ, публицист и революционер. Один из идеологов народничества.

Было бы трудно говорить здесь о том влиянии, которое оказала на развитие наук реакция, господствовавшая после Великой Революции. Достаточно будет сказать, что все, чем так гордится в настоящее время современная наука, было уже намечено, и часто более чем намечено – иногда высказано, – в точной научной форме еще в конце XVIII в. Механическая теория теплоты, неуничтожаемость движения (сохранение энергии), изменяемость видов под непосредственным влиянием окружающей среды, физиологическая психология, понимание истории, религии и законодательства как естественных последствий жизни людей в тех или других условиях, законы развития мышления – одним словом, все естественно-научное мирозерцание, так же как синтетическая философия (т. е. философия, охватывающая все физические, химические, жизненные и общественные явления как одно целое), были уже намечены и отчасти разработаны в XVIII в.

Но с реакцией, воцарившейся после конца Великой Революции в течение целого полувека, началось течение, стремившееся подавить эти открытия. Ученые-реакционеры обзывали их «малонаучными». Под предлогом изучения сначала «фактов» и собирания «научного материала» ученые общества отвергали даже такие исследования, которые сводились к точным измерениям, как, например, определение Сегеном-старшим²⁸ (Seguin) и затем Джоулем²⁹ (Joule) механического эквивалента теплоты (т. е. количества механического трения, необходимого для получения данного количества теплоты); «Королевское общество» в Англии, которое является Английской академией наук, отказалось даже напечатать труд Джоуля по этому вопросу, найдя его «ненаучным». Что же касается замечательной работы Грова³⁰ (Grove) о единстве всех физических сил, написанной им в 1843 г., то она была оставлена без внимания до 1856 г.!

Только знакомясь с историей научного развития в первой половине XIX века, понимаешь ту густоту мрака, которая охватила Европу после поражения Французской революции...

Завеса была порвана сразу, к концу 50-х годов, когда на Западе началось либеральное движение, которое привело к восстанию Гарибальди³¹, освобождению Италии, уничтожению рабства в Америке, либеральным реформам в Англии и т. д. То же движение вызвало в России уничтожение крепостного права, кнута и шпицрутенов, опрокинуло в нашей философии авторитеты Шеллинга³² и Гегеля³³ и дало начало смелому отрицанию умственного рабства и преклонения перед всякого рода авторитетами, известному под именем нигилизма.

Теперь, когда мы можем проследить историю умственного развития этих годов, для нас очевидно, что именно пропаганда республиканских и социалистических идей, которая велась в 30-х и 40-х годах, и революция 1848 г. помогли науке разорвать душившие ее узы.

Действительно, не вдаваясь в детали, здесь достаточно будет заметить, что Сеген, имя которого мы уже упомянули, Огюстен Тьерри³⁴ (историк, который первый положил основы

²⁸ Марк Сеген (1786–1875) – французский инженер и предприниматель, изобретатель тросовых висячих мостов и жаротрубного парового котла.

²⁹ Джеймс Прескотт Джоуль (1818–1889) – английский физик, внесший значительный вклад в становление термодинамики. Обосновал на опытах закон сохранения энергии. Установил закон, определяющий тепловое действие электрического тока. Вычислил скорость движения молекул газа и установил ее зависимость от температуры.

³⁰ Имеется в виду Уильям Роберт Грове (Гроув) (1811–1896) – английский физик и химик. Изобрел гальванический элемент, названный его именем (элемент Грове). Его работа «О соотношении физических сил», явившаяся результатом курса, прочитанного им в 1843 году, способствовала распространению новых физических идей, приведших к формулированию закона сохранения энергии в наиболее общей его форме.

³¹ Джузеппе Гарибальди (1807–1882) – итальянский полководец, революционер и политический деятель. Национальный герой Италии.

³² Фридрих Вильгельм Йозеф Шеллинг (1775–1854) – немецкий философ, представитель классической немецкой философии. Выдающийся представитель идеализма в новой философии.

³³ Георг Вильгельм Фридрих Гегель (1770–1831) – немецкий философ, один из творцов философии немецкого идеализма.

³⁴ Огюстен Тьерри (1795–1856) – французский историк романтического направления, один из основателей французской историографии.

изучения вечевое строя коммун и идей федерализма в Средних веках) и Сисмонди³⁵ (историк свободных городов в Италии) были учениками Сен-Симона, одного из трех основателей социализма в первой половине XIX в. Альфред Р. Уоллес³⁶, пришедший одновременно с Дарвином к теории происхождения видов при помощи естественного подбора, был в юности убежденным последователем Роберта Оуэна; Огюст Конт³⁷ был сен-симонист; Рикардо³⁸, так же как Бентам³⁹, был оуэнист; материалисты Карл Фохт⁴⁰ и Д. Люис⁴¹, так же как Гров, Милль, Герберт Спенсер и многие другие, находились под влиянием радикально-социалистического движения в Англии 30-х и 40-х годов. В этом движении они почерпнули свое мужество для научных работ.

Появление на коротком протяжении пяти или шести лет, с 1856 г. по 1862 г., работ Грова, Джоуля, Вертело, Гельмгольца и Менделеева в физических науках; Дарвина, Клода Бернара⁴², Спенсера, Мошотта⁴³ и Фохта в науках естественных; Лайеля⁴⁴ о происхождении человека; Бэна и Милля в науках политических и Бюрнуфа⁴⁵ в происхождении религий – одновременное появление всех этих работ произвело полную революцию в основных воззрениях ученых того времени – наука сразу рванулась вперед на новый путь. Целые отрасли знания были созданы с поразительной быстротой.

Наука о жизни (биология), о человеческих учреждениях (антропология и этнология), о разуме, воле и чувствах (физическая психология), история права и религий и т. д. образовались на наших глазах, поражая ум смелостью своих обобщений и революционным характером своих выводов. То, что в прошлом веке было только неопределенными предположениями, часто даже догадкой, явилось теперь доказанным на весах и под микроскопом и проверенным тысячами наблюдений и в приложениях на практике. Самая манера писать совершенно изменилась, и ученые, которых мы только что называли, все вернулись к простоте, точности и красоте стиля, которые так характерны для индуктивного метода и которыми обладали в такой степени те из писателей XVIII в., которые порвали с метафизикой.

Предсказать, по какому направлению пойдет в будущем наука, конечно, невозможно. Пока ученые будут зависеть от богатых людей и от правительств, их наука будет неизбежно носить известный отпечаток и они смогут всегда задерживать развитие знаний, как они это сделали в первой половине XIX в. Но одно ясно. Это то, что в науке, как она складывается теперь, нет более надобности ни в гипотезе, без которой мог обойтись Лаплас, ни в метафизи-

³⁵ Жан-Шарль-Леонар Симонд де Сисмонди (1773–1842) – швейцарский экономист и историк, один из основоположников политической экономии.

³⁶ Альфред Рассел Уоллес (1823–1913) – британский натуралист, путешественник, географ, биолог и антрополог.

³⁷ Исидор-Мари-Огюст-Франсуа-Ксавье Конт (1798–1857) – французский философ, родоначальник позитивизма. Основатель социологии как самостоятельной науки.

³⁸ Давид Рикардо (1772–1823) – английский экономист, классик политической экономии, последователь и одновременно оппонент Адама Смита.

³⁹ Иеремия (Джереми) Бентам (1748–1832) – английский философ-моралист и правовед, социолог, юрист, один из крупнейших теоретиков политического либерализма.

⁴⁰ Карл Фохт (или Фогт) (1817–1895) – немецкий естествоиспытатель, зоолог, палеонтолог, врач (значительную часть карьеры работал в Швейцарии и во Франции). Известен также как философ, представитель вульгарного материализма.

⁴¹ Имеется в виду Джордж Генри Льюис (1817–1878) – британский философ, писатель, литературный и театальный критик.

⁴² Клод Бернар (1813–1878) – французский медик, исследователь процессов внутренней секреции, основоположник эндокринологии.

⁴³ Якоб Мошотт (Мошотт) (1822–1893) – итальянский физиолог и философ нидерландского происхождения, представитель вульгарного материализма.

⁴⁴ Чарльз Лайель (Лайелл) (1797–1875) – основоположник современной геологии, один из самых выдающихся ученых XIX столетия. Убедил Дарвина опубликовать его знаменитую работу «Происхождение видов». Примкнул к учению Дарвина, отказавшись от многих воззрений, которыми руководствовался в течение всей своей научной деятельности.

⁴⁵ Эжен Бюрнуф (1801–1852) – французский ученый-востоковед, сделавший значительный вклад в расшифровку древнеперсидской клинописи, крупнейший исследователь буддизма середины XIX века.

ческих «словечках», над которыми смеялся Гёте. Мы можем уже читать книгу природы, понимая под этим развитие органической жизни и человечества, не прибегая ни к творцу, ни к мистической «жизненной силе», ни к бессмертной душе, ни к гегелевской триаде и не скрывая нашего незнания под какими-либо метафизическими символами, которым мы сами приписали реальное существование. Механические явления, становясь все более и более сложными по мере того, как мы переходим от физики к явлениям жизни, но оставаясь всегда теми же механическими явлениями, достаточны нам для объяснения всей природы и жизни органической, умственной и общественной.

Без сомнения, остается еще много неизвестного, темного и непонятного в мире; без сомнения, всегда будут открываться новые пробелы в нашем знании по мере того, как прежние пробелы будут заполняться. Но мы не видим области, в которой нам будет невозможно найти объяснения явлениям при помощи тех же простейших физических фактов, наблюдаемых нами вокруг, как, например, при столкновении двух шаров на бильярде, или при падении камня, или при химических реакциях. Этих механических фактов нам пока достаточно для объяснения всей жизни природы. Нигде они нам не изменили, и мы не видим даже возможности открыть такую область, где механические факты будут недостаточны. И пока, до сих пор, ничто не позволяет нам даже подозревать существование такой области.

IV. Позитивная, т. е. положительная, философия Конта

Попытка Огюста Конта построить синтетическую философию. – Причины неполной его удачи: религиозное объяснение нравственности в человеке

Очевидно, что как только наука начала достигать таких результатов, должна была быть сделана попытка построения синтетической философии, которая охватывала бы все эти результаты. Были естественны попытки построить философию, которая являлась бы систематической, объединенной, обоснованной сводкой всего нашего знания, причем эта философия не должна была больше останавливаться на плодах нашего воображения, которыми философы угощали когда-то наших отцов и дедов, вроде различных «сущностей», «мировых идей», «назначения жизни» и тому подобных символических выражений; не должна была она также прибегать и к антропоморфизму, т. е. придавать природе и физическим силам человеческие свойства и намерения. Поднимаясь постепенно от простого к сложному, эта философия должна была бы изложить основные начала жизни Вселенной и дать ключ к пониманию природы во всем ее целом. Этим она дала бы нам могучее орудие исследования, которое помогло бы открыть новые отношения между различными явлениями, т. е. новые законы природы, и внушило бы нам в то же время уверенность в справедливости наших заключений, как бы они ни противоречили установившимся ходячим воззрениям.

Много попыток подобного рода было действительно сделано в XIX в., и попытки Огюста Конта и Герберта Спенсера заслуживают особенно нашего внимания.

Необходимость синтетической философии была, правда, понята даже в XVIII в. энциклопедистами в их «Энциклопедии», Вольтером в его превосходном «Философском словаре», который до сих пор остается монументальным трудом, а также экономистом Тюрго⁴⁶ и позднее, в еще более ясной форме, Сен-Симоном. Но в первой половине XIX в. Огюст Конт предпринял тот же труд в строго научной форме, отвечающей последнему прогрессу естественных наук.

⁴⁶ Анн-Робер-Жак Тюрго (1727–1781) – французский экономист, философ и государственный деятель. Вошел в историю как один из основоположников экономического либерализма.

Известно, что, насколько дело касается математики и точных наук вообще, Конт выполнил свою задачу замечательным образом. Всеми также признается, что он был вполне прав, введя науку о жизни (биологию) и науку о человеческих обществах (социологию) в круг наук положительных. Наконец, известно, какое громадное влияние позитивная философия Конта имела на большинство мыслителей и ученых второй половины XIX в.

Но почему, спрашивают себя поклонники великого философа, почему Конт оказался так слаб, когда он принялся в своей «Позитивной политике» за изучение современных учреждений, и в особенности за изучение этики, т. е. науки о нравственных понятиях?

Каким образом такой широкий позитивный ум мог дойти до того, чтобы сделаться основателем религии и культа, как это сделал Конт в конце своей жизни?

Многие из его учеников стараются примирить эту религию и этот культ с его предыдущими работами и утверждают, против всякой очевидности, что философ следовал одному и тому же методу в обеих своих работах: «Позитивной философии» и «Позитивной политике». Но два столь выдающихся позитивистских философа, как Дж. С. Милль⁴⁷ и Литтре⁴⁸, сходятся на том, что они не признают «Позитивной политики» частью философии Конта. Они не видят в ней ничего другого, как продукт ослабевшего уже ума.

И, однако, противоречие, существующее между обоими произведениями Конта – «Философией» и «Политикой», – в высшей степени характерно и бросает яркий свет на самые важные вопросы нашего времени.

Когда Конт кончил свой «Курс позитивной философии», он должен был, конечно, заметить, что его философия не коснулась еще самого главного происхождения нравственного чувства в человеке и влияния этого чувства на человеческую жизнь и общество. Он должен был, конечно, показать, откуда явилось это чувство в человеке, и объяснить его влиянием тех же причин, которыми он объяснял жизнь вообще. Он должен был показать, почему человек чувствует потребность повиноваться этому чувству или по крайней мере считаться с ним.

В высшей степени замечательно, что Конт был на правильной дороге, – по той же дороге шел впоследствии Дарвин, когда этот великий английский натуралист пытался объяснить в своем труде «Происхождение человека» происхождение нравственного чувства. Действительно, Конт написал в «Позитивной политике» много замечательных страниц, показывающих общение и взаимопомощь у животных, и этическая важность этого явления не ускользнула от его внимания.

Но чтобы извлечь из этих фактов надлежащие позитивные заключения, знания по биологии в то время были еще недостаточны, и Конту не хватало смелости. Тогда он отвергнул Бога, божество позитивных религий, которому человек должен был поклоняться и молиться, чтобы быть нравственным, и на его место поставил Человечество с прописной буквой. Перед этим новым идолом он нам велит поклоняться и обращать к нему наши молитвы, чтобы развить в нас нравственное чувство.

Но раз этот шаг был сделан, раз было признано необходимым поклоняться чему-то, стоящему вне и выше личности, чтобы удержать зверя в человеке на пути добродетели, то все остальное вытекло само собою. Даже обрядность религии Конта сложилась вполне естественно по образцу старых религий, пришедших с Востока.

В самом деле, Конт был приведен к этому невольно, раз он не признал, что нравственное чувство в человеке, так же как общительность и даже само общество, были явлениями доче-

⁴⁷ Джон Стюарт Милль (1806–1873) – британский философ, социолог, экономист и политический деятель. Внес основополагающий вклад в философию либерализма. Отстаивал концепцию индивидуальной свободы в противоположность неограниченному государственному контролю.

⁴⁸ Эмиль Литтре (1801–1881) – французский философ-позитивист, историк, филолог и лексикограф, наиболее энциклопедичный из всех французских учёных после Дидро. Составитель знаменитого «Словаря французского языка», более известного как «Словарь Литтре».

ловеческого происхождения; раз он не усмотрел в этом дальнейшего развития той же общительности, которая наблюдается у животных и которая укрепились в человеке благодаря его наблюдению природы и жизни человеческих обществ.

Конт не понял, что нравственное чувство человека зависит от его природы в той же степени, как и его физический организм; что и то и другое являются наследством от весьма долгого процесса развития эволюции, которая длилась десятки тысяч лет. Конт прекрасно заметил чувства общительности и взаимной симпатии у животных, но, находясь под влиянием крупного зоолога Кювье⁴⁹, который в то время считался высшим авторитетом, он не признал того, на что Бюффон⁵⁰ и Ламарк⁵¹ уже пролили свет, – именно изменяемость видов. Он не признал эволюции, переходящей от животного к человеку. Поэтому он не видел того, что понял Дарвин, – что нравственное чувство человека есть не что иное, как развитие инстинктов, привычек взаимопомощи, существовавших во всех животных обществах задолго до появления на земле первых человекоподобных существ.

В результате Конт не видел, как мы это видим теперь, что, каковы бы ни были безнравственные поступки отдельных личностей, нравственное начало необходимо будет жить в человечестве как инстинкт, – пока род человеческий не начнет склоняться к упадку; что поступки, противные происходящему отсюда нравственному чувству, должны неизбежно вызывать реакцию со стороны других людей, – точно так же, как механическое действие вызывает реакцию в физическом мире. И он не заметил, что в этой способности реагировать на противообщественные поступки отдельных лиц коренится естественная сила, которая неизбежно поддерживает нравственное чувство и привычки общительности в человеческих обществах, – точно так же, как она поддерживает их в животных обществах без всякого вмешательства извне; причем эта сила бесконечно более могуча, чем повеления какой бы то ни было религии или каких бы то ни было законодателей. Но раз Конт этого не признал, он должен был невольно изобрести новое божество – Человечество – и новый культ, новое поклонение, для того чтобы эта религия приводила человека на путь нравственной жизни.

Как Сен-Симон, как Фурье, он таким образом заплатил также дань своему христианскому воспитанию. Если не допустить борьбу между началом Зла и началом Добра, которые по силе равны друг другу, и если не допускать, что человек обращается к представителю начала Добра, чтобы укрепить себя в борьбе против представителя Зла, то без этого христианство не может существовать. И Конт, проникнутый этой христианской идеей, вернулся к ней, как только он встретился на своем пути с вопросом о нравственности и о средствах укрепления нравственного в наших чувствах и понятиях. Поклонение человечеству должно было служить ему орудием для избавления человека от губительного влияния Зла.

⁴⁹ Жорж-Леопольд де Кювье (1769–1832) – французский естествоиспытатель, натуралист. Считается основателем сравнительной анатомии и палеонтологии.

⁵⁰ Жорж-Луи Леклерк, граф де Бюффон (1707–1788) – французский натуралист, биолог, математик, естествоиспытатель и писатель XVIII века. Высказал идею о единстве растительного и животного мира.

⁵¹ Жан-Батист-Пьер-Антуан де Моне, шевалье де Ламарк (1744–1829) – французский ученый-естествоиспытатель. Стал первым биологом, который попытался создать стройную и целостную теорию эволюции живого мира, известную в наше время как одна из исторических эволюционных концепций, называемая «ламаркизм».

V. Пробуждение в 1856–1862 гг.

Расцвет точных наук в 1856–1862 гг. – Выработка механического мирозерцания, охватывающего также развитие человеческих понятий и учреждений

Если Огюсту Конту не удалось его исследования человеческих учреждений и в особенности нравственных понятий, – то не следует забывать, что он написал свою «Философию» и «Политику» задолго до упомянутых уже нами 1856–1862 гг., которые так внезапно расширили горизонт науки и подняли уровень мирозерцания каждого образованного человека.

Появившиеся за эти пять-шесть лет работы в различных отраслях науки произвели такой полный переворот в наших взглядах на природу, на жизнь вообще и в частности на жизнь человеческих обществ, что подобную ей нельзя найти во всей истории наук за время свыше 20 столетий.

То, что энциклопедисты только предвидели или, скорее, предчувствовали, то, что лучшие умы XIX столетия выясняли с таким трудом до тех пор, выяснилось теперь внезапно во всеоружии знания. И все это было разработано так полно и так всесторонне благодаря индуктивно-дедуктивному методу естественных наук, что всякий другой метод исследования сразу оказался несовершенным, ложным и бесполезным.

Остановимся, однако, на одно мгновение на результатах, достигнутых наукой за это время, чтобы быть в состоянии лучше оценить последующую попытку построения синтетической философии, сделанную Гербертом Спенсером.

В течение этих шести лет Гров, Клаузиус⁵², Гельмгольц⁵³, Джоуль и целый ряд физиков и астрономов (включая сюда Кирхгофа⁵⁴, который благодаря своему открытию химического спектрального анализа дал нам возможность узнать химический состав звезд, то есть самых отдаленных от нас солнц) совершенно разбили те рамки, которые не позволяли ученым в течение более половины XIX в. пускаться в смелые и широкие обобщения в области физики. В течение нескольких лет они доказали и установили единство природы во всем неорганическом мире. С тех пор говорить о каких-то таинственных «жидкостях», теплородных, магнетических, электрических или других, к которым физики прибегали раньше для объяснения различных физических сил, стало совершенно невозможным.

Было доказано, что механические движения частиц, вроде тех движений, которые дают нам волны в морях или которые мы открываем в дрожании колокола или металлической пластинки, вполне достаточны для объяснения всех физических явлений: теплоты, света, звука, электричества, магнетизма.

Более того, мы научились измерять эти невидимые движения, эти дрожания частиц – взвешивать, так сказать, их энергию – таким же образом, как мы измеряем энергию падающего камня или движущегося поезда. Физика, таким образом, стала отраслью механики.

Кроме того, в течение все тех же нескольких лет было доказано, что в самых отдаленных от нас небесных телах, включая бесчисленные солнца, которые мы видим в неизмеримом количестве в Млечном Пути, наблюдаются абсолютно те же простые химические тела или элементы, которые известны нам на нашей Земле, и что абсолютно те же дрожания частиц про-

⁵² Рудольф Юлиус Эмануэль Клаузиус (1822–1888) – немецкий физик, механик и математик.

⁵³ Герман фон Гельмгольц (полное имя – Герман Людвиг Фердинанд фон Гельмгольц (1821–1894) – немецкий физик, врач, физиолог, психолог и акустик.

⁵⁴ Густав Роберт Кирхгоф (1824–1887) – немецкий физик.

исходят там, с теми же физическими и химическими результатами, что и на нашей планете. Даже массовые движения небесных тел, звезд, несущихся в пространстве по закону всемирного тяготения, являются, по всему вероятию, не чем иным, как результатом всех этих колебаний, передающихся на биллионы и триллионы верст в междузвездном пространстве Вселенной.

Те же тепловые и электрические колебания достаточны для объяснения химических явлений. Химия есть лишь глава молекулярной механики. И даже жизнь растений и животных, во всех ее бесчисленных проявлениях, есть не что иное, как обмен частиц или, скорее, атомов во всем этом обширном ряду очень сложных и поэтому очень неустойчивых химических тел, из которых слагаются живые ткани всех живых существ. Жизнь есть не что иное, как ряд химических разложений и вновь возникающих соединений из очень сложных молекул – ряд «брожений», возникающих под влиянием ферментов (бродил) химических, неорганических.

Кроме того, в то же время было понято, а в течение 1890–1900 гг. признано и доказано, как жизнь клеточек нервной системы и способность их передавать каждое раздражение от одной к другой дают механическое объяснение передачи раздражения в растениях и в нервной жизни животных. В результате этих исследований мы можем теперь, не выходя из области чисто физических наблюдений, понять, как образы и вообще впечатления запечатлеваются в нашем мозгу, как они действуют одно на другое и как от них происходят понятия, идеи.

Мы также можем теперь понять «ассоциацию идей» – то есть каким образом каждое впечатление вызывает накопленные раньше впечатления. Мы схватываем, следовательно, самый механизм мышления.

Конечно, мы остаемся еще бесконечно далеко от открытия «всего» в этом направлении; мы сделали только первые шаги, и нам остается открывать бесконечно многое. Наука, едва освободившаяся от душившей ее метафизики, только приступает к исследованию этой громадной области – физической психологии. Но солидная база уже заложена для дальнейших исследований. Старое деление на две совершенно отдельные области, которые пытался установить немецкий философ Кант, – область явлений, которую мы исследуем, по его словам, «во времени и пространстве» (физическая область), и другая, которая может быть исследована только «во времени» (область явлений духа), это деление ныне отпадает. И на вопрос, который однажды был поставлен русским профессором-материалистом Сеченовым⁵⁵: «Куда отнести и как изучать психологию?», ответ уже дан: «К физиологии, физиологическим методам». В самом деле, новейшие исследования физиологов уже пролили более света относительно механизма мышления, происхождения впечатлений, их закрепления в памяти и передачи, чем все изящные рассуждения, которые подносили нам до сих пор метафизики.

Таким образом, даже в этой крепости, которая принадлежала без всяких споров метафизике, она теперь побеждена. Область психологии захвачена естественными науками и материалистической философией, которые двигают наши знания относительно механизма мышления в этой области с невиданной дотоле быстротой.

Однако среди работ, которые появились в продолжение тех же пяти-шести лет, есть одна, затмившая собой все остальные. Это книга Чарльза Дарвина «Происхождение видов».

Уже в прошлом столетии Бюффон и на рубеже двух столетий Ламарк решились утверждать, что различные виды растений и животных, которые мы встречаем на земле, не представляют собой неподвижных форм: они изменчивы и постоянно изменяются под влиянием среды. Разве самое семейное сходство, наблюдающееся между различными видами, принадлежащими к той или иной группе, не доказывает, говорили они, что эти виды происходят от общих предков? Так, различные виды лютиков, которые мы находим в наших лугах и в болотах, должны быть потомками одного вида общих предков, – потомками, которые видоизмени-

⁵⁵ Иван Михайлович Сеченов (1829–1905) – русский естествоиспытатель, физиолог и просветитель. Создатель первой российской физиологической научной школы и естественно-научного материалистического направления в психологии.

лись в зависимости от изменений и приспособлений, которым они подвергались в различных условиях существования. Точно так же теперешние породы волка, собаки, шакала, лисицы не существовали раньше, но вместо них существовала порода животных, которая в течение столетий постепенно дала происхождение волкам и собакам, шакалам и лисицам. Относительно лошади, осла, зебры и т. п. уже доподлинно известно, что у них существовал общий предок, скелет которого открыт в древних геологических пластах.

Но в XVIII в. рискованно было высказывать такие ереси. За гораздо меньшее, чем это, Бюффону даже угрожало преследование перед церковным трибуналом, и он был принужден напечатать в своей «Естественной истории» отречение от своих слов. Церковь в это время была еще очень сильна, и натуралисту, осмеливавшемуся поддерживать такие неприятные для епископов ереси, грозили тюрьма, пытка или сумасшедший дом. Вот почему «еретики» высказывались тогда очень осторожно.

Но теперь, после революций 1848 г., Дарвин и Уоллес осмелились утверждать ту же ересь, а Дарвин даже имел мужество прибавить, что человек также развивался путем медленной физиологической эволюции; что он произошел от породы обезьяноподобных животных; что «бессмертный дух» и «нравственная душа» человека развивались тем же путем, как ум и общественные привычки у обезьяны или муравья.

Известно, какие громы были обрушены тогда стариками на голову Дарвина и в особенности на голову его смелого ученого и интеллигентного апостола Гэксли⁵⁶ за то, что он резко подчеркивал те из заключений дарвинизма, которые более всего приводили в ужас духовенство всех религий.

Борьба была жестокая, но дарвинисты вышли из нее победителями. И с тех пор перед нашими глазами выросла совершенно новая наука биология – наука о жизни во всех ее проявлениях.

Работа Дарвина дала в то же время новый метод исследования для понимания явлений всякого рода: в жизни физической материи, в жизни организмов и в жизни обществ. Идея «непрерывного развития», то есть эволюции и постепенного приспособления особей и обществ к новым условиям, по мере того как изменяются эти условия, – эта мысль нашла себе гораздо более широкое приложение, чем одно объяснение происхождения новых видов. Когда она была введена в изучение природы вообще, а также людей, их способностей и их общественных учреждений, она открыла новые горизонты и дала возможность объяснять самые непонятные факты в области всех отраслей знания. Основываясь на этом начале, столь богатым последствиями, возможно было перестроить не только историю организмов, но также историю человеческих учреждений.

В руках Спенсера биология показала нам, как все виды растений и животных, обитающих на земном шаре, могли развиваться, исходя от нескольких простейших организмов, населявших землю вначале; и Геккель⁵⁷ мог начертить правдоподобный набросок родословного дерева различных видов животных, включая сюда человека. Это было уже огромно. Но стало также возможно заложить некоторые первые научные основания для истории нравов, обычаев, верований и человеческих учреждений, чего совершенно не хватало XVIII в. и Огюсту Конту. Эту историю мы можем писать теперь, не прибегая к метафизическим формулам Гегеля и не останавливаясь ни на «врожденных идеях», ни на «субстанциях» Канта, ни на вдохновении свыше. Вообще мы можем проследить ее, не имея нужды в формулах, которые убивали дух исследования и за которыми, как за облаками, скрывалось всегда все то же невежество, то же старое суеверие, та же слепая вера.

⁵⁶ Томас Генри Гексли (или Хаксли) (1825–1895) – английский зоолог, популяризатор науки и защитник эволюционной теории Чарльза Дарвина (за свои яркие полемические выступления он получил прозвище «Бульдог Дарвина»).

⁵⁷ Эрнст Генрих Филипп Август Геккель (1834–1919) – немецкий естествоиспытатель и философ. Автор термина «питекантроп», а также ему часто приписывается авторство термина «экология».

Благодаря, с одной стороны, трудам натуралистов и, с другой стороны, работе Генри Мэна⁵⁸ и его последователей, в том числе М. М. Ковалевского⁵⁹, которые приложили тот же индуктивный метод к изучению первобытных учреждений и вытекавших из них законов, история развития человеческих учреждений могла быть поставлена, в течение этих последних пятидесяти лет, на столь же твердое основание, как и история развития любого вида растений или животных.

Без сомнения, было бы несправедливо забывать о работе, проделанной уже в 30-х годах XIX столетия школой Огюстена Тьерри во Франции и школой Маурера⁶⁰ и «германистов» в Германии, продолжателями которых в России были Костомаров⁶¹, Беляев⁶² и многие другие. Метод эволюции прилагался, конечно, уже раньше, со времени энциклопедистов, к изучению нравов и учреждений, а также языков. Но получить правильные научные результаты стало возможным лишь после того, как научились смотреть на собранные исторические факты так же, как натуралист смотрит на постепенное развитие органов растения или нового вида.

Метафизические формулы помогали, конечно, в свое время делать некоторые приблизительные обобщения. Они будили сонную мысль, они волновали ее своими неопределенными намеками на единство и вечную жизнь природы. В эпоху реакции, подобную той, которая царила в первые десятилетия XIX в., когда индуктивные обобщения энциклопедистов и их английских и шотландских предшественников стали забываться, особенно в эпоху, когда требовалось нравственное мужество, чтобы осмелиться говорить перед лицом торжествующего мистицизма о единстве физической и «духовной» природы (а этого мужества не хватало философам), туманная метафизика немцев, без сомнения, поддерживала вкус к обобщениям.

Но обобщения того времени, установленные либо диалектическим методом, либо полусознательною индукцией, отличались поэтому отчаянною неопределенностью. Первые из них основывались, в сущности, на весьма наивных умозаклчениях, подобно тому как некоторые греки древности доказывали, что планеты должны двигаться в пространстве по кругам, так как круг – самая совершенная кривая. Только наивность этих утверждений и отсутствие доказательств прикрывались неопределенными рассуждениями, туманными словами, а также неясным и до смешного тяжелым стилем. Что же касается до обобщений, вытекавших из полусознательной индукции, то они всегда основывались на крайне ограниченном количестве наблюдений – как, например, весьма широкие и мало обоснованные обобщения Вейсмана⁶³, которые недавно наделали столько шума. Так как индукция была в этом случае несознательная, то ценность ее догадочных заключений легко преувеличивалась и их выставляли как бесспорные законы, между тем как они, в сущности, были лишь предположениями, гипотезами, зачатками обобщений, которые нужно было еще подвергнуть элементарной проверке, сравнив полученные результаты с фактами, наблюденными в действительности.

Наконец, все эти обобщения были выражены в столь отвлеченной и столь туманной форме – как, например, «тезис, антитезис и синтезис» Гегеля, – что они давали полный произвол мыслителям, когда они желали вывести практические заключения. Таким образом, из них можно было выводить (и это делалось на самом деле) и революционный дух Бакунина вме-

⁵⁸ Сэр Генри Джеймс Самнер Мэн (Мэйн) (1822–1888) – английский юрист, антрополог, историк и социолог права.

⁵⁹ Максим Максимович Ковалевский (1851–1916) – русский историк, юрист, социолог и общественный деятель, один из руководителей русского масонства.

⁶⁰ Георг Людвиг фон Маурер (1790–1872) – немецкий государственный деятель, правовед, историк. Премьер-министр и глава министерств иностранных дел и юстиции Баварии (1847).

⁶¹ Николай Иванович Костомаров (1817–1885) – российский историк, публицист, писатель, педагог и общественный деятель. Автор многотомного издания «Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей».

⁶² Иван Дмитриевич Беляев (1810–1873) – профессор Московского университета по кафедре русского законодательства, историк.

⁶³ Фридрих Леопольд Август Вейсман (1834–1914) – немецкий зоолог и теоретик эволюционного учения. Стоя на позициях материализма, он отстаивал механистическое понимание жизненных явлений.

сте с Дрезденской революцией⁶⁴, и революционный якобинизм Маркса, и «разумность существующего» Гегеля, которая привела многих к «примирению с действительностью», то есть с самодержавием. Даже в наши дни достаточно вспомнить о многочисленных экономических ошибках, в которые на наших глазах впали недавно социалисты вследствие их пристрастной склонности к диалектическому методу и метафизике в экономической науке, к которым они прибегли, вместо того чтобы обратиться к изучению реальных фактов экономической жизни народов.

VI. Синтетическая философия Спенсера

Возможность новой синтетической философии. – Попытка Спенсера. – Почему она не вполне удалась. – Метод не выдержан. – Неверное понимание «борьбы за существование»

С тех пор как антропологию – то есть физиологическое развитие человека и историю его религий и его учреждений – стали изучать таким же путем, как изучают и все другие естественные науки, стало наконец возможным понять главные существенные черты истории человечества. Так же стало возможно отделаться навсегда от метафизики, мешавшей изучению истории, как библейские предания мешали когда-то изучению геологии.

Казалось бы поэтому, что, когда Герберт Спенсер, в свою очередь, принялся за построение «Синтетической философии»⁶⁵ во второй половине XIX в., он мог бы сделать это, не впадая в ошибки, которые встречаешь в «Позитивной политике» Конта. И, однако, «Синтетическая философия» Спенсера, представляя собой шаг вперед (в этой философии нет места для религии и религиозных обрядов), содержит еще в своей социологической части столь же крупные ошибки, как и работа Конта.

Дело в том, что, дойдя до психологии обществ, Спенсер не сумел остаться верным своему строго научному методу при изучении этой отрасли знания и не решился признать всех выводов, к которым его приводил этот метод. Так, например, Спенсер признавал, что земля не должна быть частною собственностью. Землевладелец, пользуясь своим правом повышать по своему усмотрению арендную плату за землю, может мешать тем, кто работает на земле, извлекать из нее все то, что они могли бы извлечь посредством усиленной обработки; или даже он может оставить землю без всякой обработки, ожидая того времени, когда цена за десятину его земли поднимется достаточно высоко вследствие того только, что другие земледельцы будут трудиться вокруг на своей земле. Подобная система – Спенсер поспешил признать это – вредна для общества и полна опасностей. Но, признавая это зло относительно земли, он не решился сделать то же заключение относительно других накопленных богатств – ни даже относительно рудников и доков, не говоря уже о фабриках и заводах.

Или также он поднял голос против вмешательства государства в жизнь общества и даже придал одной из своих книг заглавие, представлявшее целую революционную программу, –

⁶⁴ Майское восстание в Дрездене – восстание 3–9 мая 1849 года в Дрездене (столице Саксонии), ставшее одним из завершающих событий как Мартовской революции в Саксонии, так и революции 1848–1849 гг. в германских государствах в целом. Верховным руководителем восстания был Стефан Борн, в число его лидеров входил русский революционер М. А. Бакунин. К 9 мая восстание было подавлено саксонской армией при поддержке прусских сил, возглавляемых генералом Фридрихом фон Вальдерзее. Потери восставших составили, по разным данным, порядка от 190 до 250 человек убитыми и от 400 до 500 ранеными. Впоследствии многие выжившие участники восстания были приговорены судами к смертной казни или пожизненному заключению.

⁶⁵ Герберт Спенсер (1820–1903) – английский философ и социолог, один из родоначальников эволюционизма. Главный труд его жизни – книга «Системы синтетической философии», которая должна была включать 10 томов.

«Личность против государства». Но мало-помалу, под предлогом сохранения охранительной деятельности государства, он кончил тем, что восстановил государство полностью, как оно есть теперь, поставив ему только несколько робких ограничений.

Можно объяснить, без сомнения, эти и другие противоречия того же рода тем, что Спенсер построил социологическую часть своей философии под влиянием английского радикального движения гораздо раньше, чем он написал естественно-научную часть. Действительно, он напечатал свою «Статику» в 1851 г., то есть в эпоху, когда антропологическое изучение человеческих учреждений было еще в зародыше. Но во всяком случае результат был тот, что так же, как Конт, Спенсер не изучал человеческие учреждения сами по себе, без предвзятых идей, заимствованных из чуждой науке области. Кроме того, как только Спенсер дошел до философии общественной, он начал пользоваться новым, самым обманчивым методом – именно методом сходств (аналогий), которым он, конечно, не пользовался при изучении физических фактов. Этот метод позволил ему оправдать целую массу предвзятых идей. В результате мы до сих пор не имеем еще настоящей синтетической философии, построенной по одному и тому же методу в обеих своих частях: естественно-научной и социологической.

Нужно сказать, что Спенсер был наименее подходящим человеком для изучения первобытных учреждений дикарей. В этом отношении он даже преувеличивал обычную для большинства англичан ошибку – именно неспособность понимать нравы и обычаи других народов. «Мы – люди римского права, а ирландцы – люди обычного права; вот почему мы не понимаем друг друга», – сказал мне однажды Джемс Ноульз⁶⁶, очень умный и очень проникательный англичанин. Но эта неспособность понимать другую цивилизацию становится еще более очевидной, когда дело идет о тех, кого англичане называют «низшими расами». Так было со Спенсером. Он был совершенно неспособен понять дикаря с его почитанием своего племени, «с его кровной мстью», которая считалась долгом у героев исландских саг, и он так же был неспособен понять бурную, полную борьбы и гораздо более близкую нам жизнь средневековых городов. Понятия права, встречающиеся в эти эпохи, были совершенно чужды Спенсеру. Он видел в них только дикость, варварство, жестокость, и в этом отношении он делал решительно шаг назад по сравнению с Огюстом Контом, который понимал важную роль Средних веков в прогрессивном развитии учреждений, – идея, с тех пор слишком забываемая во Франции.

Мало того – и это была самая важная ошибка, – Спенсер, подобно Гэкли и многим другим, понял идею «борьбы за существование» совершенно неправильным образом. Он представлял ее себе не только как борьбу между различными видами животных (волки поедают зайцев, многие птицы питаются насекомыми и так далее), но и как ожесточенную борьбу за средства существования и место на земле внутри каждого вида, между особями одного и того же вида. Между тем подобная борьба не существует, конечно, в тех размерах, в каких воображали ее себе Спенсер и другие дарвинисты.

Насколько сам Дарвин виноват в таком неправильном понимании борьбы за существование, мы не будем разбирать здесь⁶⁷. Но достоверно, что, когда двенадцать лет спустя после появления «Происхождения видов» Дарвин напечатал «Происхождение человека», он понимал уже борьбу за существование в гораздо более широком и метафорическом смысле, чем как отчаянную борьбу внутри каждого вида. Так, в своем втором сочинении он писал, что «те

⁶⁶ Журнал «The Nineteenth Century» (Девятнадцатое столетие) начал выходить в Лондоне в марте 1877 года – как периодическое ежемесячное обозрение проблем науки, техники, культуры и политики. Он был рассчитан на высокообразованного читателя. Под таким названием журнал выходил до 1900 года. С 1901 по 1950 гг. издавался под названием «The N.C. and after» (Девятнадцатое столетие и после). Всего вышло 1049 номеров, которые сброшюрованы в 172 тома. Во времена сотрудничества Кропоткина издателем журнала был Джеймс Ноулз (James Knouls).

⁶⁷ Смотри мою работу «Взаимопомощь как фактор эволюции». Относительно того, как Дарвин пришел к перемене своих взглядов на этот вопрос и стал все более и более допускать прямое воздействие среды на развитие новых видов, смотри мои статьи о естественном подборе и прямом воздействии в журнале «Nineteenth Century», июль, ноябрь и декабрь 1910 г. и март 1912 г. (Прим. П. А. Кропоткина)

животные виды, в которых наиболее развиты чувства взаимной симпатии и общности, имеют больше шансов сохранить свое существование и оставить после себя многочисленное потомство». И он развивал даже ту идею, что социальный инстинкт у каждой особи более силен и более постоянен и активен, чем инстинкт самосохранения. А это уже совсем не то, что говорят нам некоторые «дарвинисты».

Вообще главы, посвященные Дарвином этому вопросу в «Происхождении человека», могли бы стать основанием для разработки чрезвычайно богатыми выводами представления о природе и развитии человеческих обществ (Гёте уже догадывался об этом на основании одного или двух фактов). Но эти главы прошли незамеченными. И только в 1879 г. в речи русского зоолога Кесслера⁶⁸ мы находим ясное понимание существующих в природе отношений между борьбой за существование и взаимной помощью. «Для прогрессивного развития вида, – сказал он, приводя несколько примеров, – закон взаимной помощи имеет гораздо большее значение, чем закон взаимной борьбы».

Год спустя Ланессан⁶⁹ выступил со своей лекцией «Борьба за существование и ассоциация в борьбе», и в то же время Бюхнер⁷⁰ напечатал свой труд «Любовь», в котором он показал важность симпатии между животными для развития первых нравственных понятий; но только опираясь главным образом на семейную любовь и взаимное сочувствие, он напрасно ограничил круг своих изысканий.

Мне легко было доказать и развить в 1890 г. в моей книге «Взаимная помощь» идею Кесслера и распространить ее на человека, опираясь на точные наблюдения природы и на последние исследования по истории человеческих учреждений. Взаимная помощь действительно есть не только самое могучее орудие для каждого животного вида в его борьбе за существование против враждебных сил природы и других враждующих видов, но она есть также главное орудие прогрессивного развития. Даже самым слабым животным она дает долголетие (и, следовательно, накопление опыта), обеспечивает их потомство и умственное развитие. В результате те животные виды, которые больше практикуют взаимопомощь, не только выживают лучше других, но они занимают первое место каждый во главе своего класса (насекомые, птицы, млекопитающие) благодаря превосходству своего физического строения и умственного развития.

Этого основного факта природы Спенсер не замечал. Борьбу за существование внутри каждого вида, борьбу отчаянную, «клювом и когтями», из-за каждого куса пищи он принял как принцип, не требующий доказательств, как аксиому. Природа, «обогренная кровью гладиаторов», как ее рисует английский поэт Теннисон⁷¹, – таково было его представление животного мира. И только в 1890 г. в статье в журнале «Nineteenth Century» он начал понимать до некоторой степени важность взаимной помощи (или, скорее, чувства симпатии) в животном мире и начал собирать факты и производить наблюдения в этом направлении. Но до самой его смерти первобытный человек остался для него воображаемым диким зверем, который только и выжил благодаря тому, что рвал «зубами и когтями» последний кусок у своего ближнего.

Очевидно, что, усвоив в качестве основания для своих выводов такую ложную посылку, Спенсер не мог построить своей синтетической философии без того, чтобы не впасть в целый ряд ошибок и заблуждений.

⁶⁸ Карл Федорович Кесслер (1815–1881) – русский зоолог, профессор и декан физико-математического факультета киевского Императорского университета Святого Владимира. Основатель Петербургского общества естествоиспытателей.

⁶⁹ Жан-Мари-Антуан де Ланессан (1843–1919) – французский натуралист (естествоиспытатель), доктор медицинских наук и политик.

⁷⁰ Людвиг Бюхнер (1824–1899) – немецкий врач, естествоиспытатель и философ, автор труда «Любовь и любовные отношения животного мира» (1881) и многих других.

⁷¹ Альфред Теннисон (1809–1892) – английский поэт, любимый поэт королевы Виктории, которая дала ему титул барона, сделавший его в 1884 году пэром Соединенного королевства.

VII. О роли закона в обществе

Ложное учение «мир во зле лежит». – Государственное насаждение того же взгляда на «коренную испорченность человека». – Взгляды современной науки. Выработка форм общественной жизни «массами» и закон. – Его двойственный характер

Спенсер, впадая в эти ошибки, был, однако, не один. Верная Гоббсу⁷², вся философия XIX в. продолжала рассматривать первобытных людей как стадо диких зверей, которые жили отдельными маленькими семьями и дрались между собой из-за пищи и из-за своих жен до тех пор, пока не появилось благодетельное начальство, которое водворило среди них мир. Даже такой натуралист, как Гэксли, продолжал повторять все то же фантастическое утверждение Гоббса и заявил (в 1885 г.), что вначале люди жили, борясь «каждый против всех», до тех пор, пока благодаря нескольким передовым людям эпохи не было «основано первое общество». Таким образом, даже ученый дарвинист, как Гэксли, не догадывался, что общество, вместо того чтобы быть созданным человеком, существовало задолго до появления человека среди животных. Такова сила укоренившегося предрассудка.

Если проследить историю этого предрассудка, то легко можно заметить, что он черпает свое происхождение в религиях, в церквах. Тайные общества колдунов, вызывателей дождя, шаманов, а позднее ассирийских и египетских жрецов, а еще позднее христианских священников всегда стремились убедить людей, что «мир погряз в грехе»; что только благодетельное вмешательство шамана, колдуна, святого или священника мешает силе зла овладеть человеком; что только они могут умолить злое божество, чтобы оно не насылало на человека всякие несчастья в наказание за его грехи.

Первобытное христианство, несомненно, стремилось ослабить этот предрассудок относительно священника, но христианская церковь, опираясь на слова самих евангелий о «вечном огне», только усилила его. Самая идея о Боге Сыне, пришедшем умереть на земле, чтобы искупить грехи мира, также подтверждает этот взгляд. Именно это-то и позволило впоследствии «святой инквизиции» предавать свои жертвы самым жестоким пыткам и сжиганию на медленном огне – этим она давала им возможность раскаяться, чтобы спастись от вечных мук на том свете. Кроме того, не одна католическая церковь действовала таким образом; все христианские церкви, верные тому же принципу, соперничали между собой в изобретении новых мук или ужасов, чтобы исправить людей, погрязших в «пороке». До сих пор 999 человек из тысячи еще верят, что разные естественные невзгоды – засухи, землетрясения и заразные болезни посылаются свыше неким божеством, чтобы привести грешное человечество на стезю добродетели.

В то же время государство в своих школах и своих университетах поддерживало и продолжает поддерживать ту же веру в естественную испорченность человека. Доказать необходимость какой-то силы, находящейся выше общества и работающей над тем, чтобы вдохнуть нравственный элемент в общество посредством наказаний, налагаемых за нарушение «нравственного закона» (который посредством ловкой передержки отождествляется с писанным законом), убедить людей, что эта власть необходима, – все это вопрос жизни или смерти для государства. Потому что, если люди начнут сомневаться в необходимости насаждения нравственных начал силою власти, они скоро потеряют веру в высокую миссию своих правителей.

⁷² Томас Гоббс (1588–1679) – английский философ-материалист, один из основателей современной политической философии, теории общественного договора и теории государственного суверенитета.

Таким образом, все наше воспитание – религиозное, историческое, юридическое и социальное – проникнуто мыслью, что человек, предоставленный самому себе, становится диким зверем. При отсутствии власти люди грызлись бы между собой; от «толпы» нельзя ожидать ничего другого, кроме животности и войны каждого против всех.

Эта человеческая толпа погибла бы, если бы над ней не были избранники: священник, законодатель и судья с своими помощниками – полицейским и палачом. Именно они не допускают всеобщей драки всех против всех; это именно они воспитывают людей в уважении к закону, учат их дисциплине и ведут их твердой рукой к тем грядущим дням, когда лучшие понятия созреют в «ожесточенных сердцах» людей и сделают кнут, тюрьму и виселицу менее необходимыми, чем теперь.

Мы смеемся над тем королем, который, уезжая в изгнание в 1848 г., говорил: «Бедные мои подданные! Они погибнут без меня!» Мы потешаемся над английским купцом, который убежден, что его соотечественники происходят от потерявшегося колена Израилева и что на основании этого судьба предназначила им дать хорошее правительство «низшим расам».

Но разве не то же преувеличенное мнение о себе мы находим в любом другом народе у громадного большинства людей, которые учились «чему-нибудь и как-нибудь»?

Между тем научное изучение развития человеческих обществ и учреждений приводит нас к совершенно другим выводам. Оно нам показывает, что обычаи и приемы, созданные человечеством в целях взаимной помощи, защиты и мира вообще, были выработаны именно «толпой» без имени. И именно эти обычаи позволили человеку, как и существующим в наше время животным видам, выжить в борьбе за существование. Наука показывает нам, что так называемые руководители, герои и законодатели человечества ничего не внесли в течение истории, кроме того, что было уже выработано в обществе обычным правом. Лучшие среди них только дали форму и санкцию этим учреждениям. Но очень многие из этих мнимых благодетелей человечества стремились все время либо уничтожить те из учреждений обычного права, которые мешали образованию личной власти, либо преобразовать их в своих личных интересах или в интересах своей касты.

Уже в самой глубокой древности, теряющейся во мраке ледникового периода, люди жили обществами. И в этих обществах был выработан целый ряд свято соблюдавшихся обычаев и учреждений, чтобы сделать возможной жизнь сообща. Позднее, в течение дальнейшего развития человечества, та же творческая сила безыменной толпы всегда помогала вырабатывать новые формы общественной жизни, взаимной помощи и охраны мира, по мере того как создавались новые условия.

С другой стороны, современная наука показывает с полной очевидностью, что всякий закон, каково бы ни было его предполагаемое происхождение, говорят ли нам, что он исходит от Бога или мудрого законодателя, никогда не делал ничего иного, как только закреплял, кристаллизовывал в постоянную форму или распространял обычаи, уже существовавшие раньше. Все своды законов древности были только собранием обычаев и преданий, записанных или нацарапанных на камне, чтобы сохранить их для следующих поколений. Только делая это, свод законов прибавлял всегда к обычаям, уже принятым всеми, несколько новых правил, сделанных в интересах богатых, вооруженных и воинов, – и этими правилами закреплялись нарождавшиеся обычаи неравенства и порабощения, выгодные для меньшинства.

«Не убий, – гласил, например, закон Моисеев, – не укради, не лжесвидетельствуй». Но к этим прекрасным правилам поведения он прибавлял также: «Не пожелай жены ближнего твоего, ни раба его, ни осла его», – и этим самым узаконял надолго рабство и ставил женщину на один уровень с рабом или выючным животным. «Люби ближнего твоего» – говорило позднее христианство и тут же спешило прибавить устами апостола Павла: «Рабы да повинуются господам своим» и «Несть власти чаще не от Бога», – узаконяя таким образом, обожествляя разделение на господ и рабов и освящая власть негодяев, царивших тогда в Риме.

Самые Евангелия, проповедуя высшую идею прощения, которая является главною сутью христианства, говорят, однако, все время о божь-мстителе и проповедуют этим месть.

То же самое было в сводах законов так называемых варваров – галлов, лангобардов, германцев, саксонцев, славян – после падения Римской империи. Они узаконили, несомненно, хороший обычай, распространившийся в это время: обычай платить вознаграждение за нанесение раны и убийство, вместо того чтобы практиковать бывший раньше в ходу закон возмездия (око за око, зуб за зуб, рана за рану, смерть за смерть). Таким образом, варварские законы представляли собой прогресс по сравнению с законом возмездия, господствовавшим в родовом быту. Но в то же время они установили также деление свободных людей на классы, которое в эту эпоху намечалось.

Такое-то вознаграждение, говорили эти своды законов, следует платить за раба (оно платилось его господину), такое-то за свободного человека и такое-то за начальника – в этом случае вознаграждение было так велико, что для убийцы обозначало рабство до самой смерти. Первоначальной мыслью этих различий было, без сомнения, то, что семья князя, убитого в драке, теряла в нем гораздо больше, чем семья простого свободного человека в случае смерти своего главы; поэтому она имела право, по тогдашним взглядам, на большее вознаграждение, чем последняя. Но обращая этот обычай в закон, узаконялось этим навсегда деление людей на классы и узаконялось так прочно, что до сих пор мы не можем отделаться от этого.

То же самое мы встречаем в законодательствах всех времен, вплоть до наших дней: притеснение предыдущей эпохи всегда переносится посредством закона на последующие эпохи. Несправедливость Персидской империи передалась Греции; несправедливость Македонии перешла к Риму; насилие и жестокость Римской империи и восточных тираний передались молодым зарождавшимся варварским государствам и христианской церкви. Так налагает прошедшее, посредством закона, свои цепи на будущее.

Все необходимые гарантии для жизни в обществах, все формы общественной жизни в родовом быту, в сельской общине и средневековом городе, все формы отношений между отдельными племенами и позднее между республиками-городами, послужившие впоследствии основанием для международного права, – одним словом, все формы взаимной поддержки и защиты мира, включая сюда суд присяжных, были созданы творческим гением безымянной народной толпы. Между тем как все законы, от самых древних до наших дней, состояли всегда из следующих двух элементов: первый утверждал и закреплял известные обычные формы жизни, признанные всеми полезными, а второй являлся приставкой, часто даже простой, но хитрой манерой выразить словами существующий уже обычай, но эта приставка всегда имела целью насадить или укрепить зарождающуюся власть господина, воина, царька и священника, укрепить и освятить их власть, их авторитет.

Именно к этому нас приводит научное изучение развития обществ, изучение, проделанное в течение последних сорока лет многими добросовестными учеными. Правда, очень часто ученые сами не осмеливались формулировать столь еретические заключения, как приведенные выше. Но вдумчивый читатель придет неизбежно к тому же, читая их работы.

VIII. Положение учения об анархии в современной науке

*Его стремление выработать синтетическое
(объемлющее) понимание всего мира. – Его цель*

Какое положение занимает анархия в великом умственном движении XIX в.?

Ответ на этот вопрос намечается уже тем, что было сказано в предыдущих главах. Анархия есть мирозерцание, основанное на механическом понимании явлений (лучше было бы

сказать кинетическом, так как этим выразилось бы постоянное движение частиц вещества; но это выражение менее известно), охватывающее всю природу, включая сюда и жизнь человеческих обществ. Ее метод исследования – метод естественных наук; этим методом должно быть проверено каждое научное положение. Ее тенденция – основать синтетическую философию, т. е. философию, которая охватывала бы все явления природы, включая сюда и жизнь человеческих обществ, и их экономические, политические и нравственные вопросы, но не впадая, однако, в ошибки, сделанные Контом и Спенсером вследствие вышеуказанных причин.

Очевидно, что анархия поэтому должна дать на все вопросы, поставленные современной жизнью, другие ответы и занять иную позицию, чем все политические, а также, до известной степени, и социалистические партии, которые еще не отделались от старых метафизических верований.

Конечно, выработка полного механического понятия природы и человеческих обществ едва началась в его социологической части, изучающей жизнь и развитие обществ. Однако то небольшое, что было сделано, носит уже – иногда, впрочем, бессознательно – характер, который мы только что указали. В философии права, в теории нравственности, в политической экономии и в изучении истории народов и учреждений анархисты уже доказали, что они не будут довольствоваться метафизическими заключениями, а будут искать естественно-научное обоснование для своих заключений.

Они отказываются подчиняться метафизике Гегеля, Шеллинга или Канта, считаются с комментаторами римского права и церковного права, с учеными профессорами государственного права и с политической экономией метафизиков, – и они стараются отдать себе ясный отчет во всех вопросах, поднятых в этих областях знания, основываясь на массе работ, сделанных в течение этих последних сорока или пятидесяти лет, с точки зрения натуралиста.

Подобно тому как метафизические понятия о «всемирном духе», «созидательной силе природы», «любовном притяжении материи», «воплощении идеи», «цели природы и смысле ее существования», о «непознаваемом», «человечестве», понимаемом в смысле существа, одухотворенного «дуновением духа», и тому подобные понятия отброшены ныне философией материалистической (механической или, скорее, кинетической), а зачатки обобщений, скрывающихся позади этих слов, переводятся на конкретный язык фактов, – так точно мы пробуем поступать, когда обращаемся к фактам общественной жизни.

Когда метафизики желают убедить натуралиста, что умственная и чувственная жизнь человека развивается согласно «имманентным законам духа», натуралист пожимает плечами и продолжает терпеливо заниматься своим изучением жизненных, умственных и чувственных явлений, чтобы доказать, что все они могут быть сведены к физическим и химическим явлениям. Он старается открыть их естественные законы.

Точно так же, когда анархисту говорят, что, согласно Гегелю, всякая эволюция представляет собой «тезис, антитезис и синтезис»⁷³, или что «право имеет целью водворение справедливости, которая является материальным овеществлением высшей идеи», или когда у него спрашивают, какова, по его мнению, «цель жизни», анархист тоже пожимает плечами и спрашивает себя: «Как это возможно, что, несмотря на современное развитие естественных наук, находятся еще старики, продолжающие верить в эти “жупелы”, и отсталые люди, говорящие языком примитивного дикаря, который “очеловечивал” природу и представлял ее себе как нечто, управляемое существами человеческого вида?»

⁷³ Гегель считал, что мышление и бытие тождественны, а потому все в мире развивается по единым законам. В самой общей форме этот закон развития выглядит как триада «тезис-антитезис-синтезис». Эта триада означает, что любое явление в мире обязательно порождает свое противоречие. Если есть черное, то есть и белое. Если есть мужчина, то есть и женщина. Противоречия, естественно, вступают в отношения взаимодействия. Рано или поздно это взаимодействие порождает синтезис (от греч. *synthesis* – сближение, соединение), то есть некое новое явление, которое включило в себя черты и тезиса, и антитезиса. Синтезис сам становится новым тезисом и порождает новое противоречие и так до бесконечности.

Анархисты не поддаются таким «звучным словам», потому что знают, что эти слова служат всегда прикрытием или незнания – то есть незаконченного исследования, – или, что еще хуже, суеверия. Поэтому, когда им говорят такие слова, они проходят мимо, не останавливаясь; они продолжают свое изучение общественных понятий и учреждений прошлого и настоящего, следуя естественно-научному методу. И они находят, очевидно, что развитие жизни человеческих обществ в действительности бесконечно сложнее (и интереснее для практических целей), чем можно было бы думать, если судить по этим формулам.

Мы много слышали за последнее время о диалектическом методе, который рекомендуют нам социал-демократы для выработки социалистического идеала. Мы совершенно не признаем этого метода, который также не признается ни одной из естественных наук. Для современного натуралиста этот «диалектический метод» напоминает что-то давно прошедшее, пережитое и, к счастью, давно уже забытое наукой. Ни одно из открытий XIX в. – в механике, астрономии, физике, химии, биологии, психологии, антропологии – не было сделано диалектическим методом. Все они были сделаны единственно-научным индуктивным методом. И так как человек есть часть природы, а его личная и общественная жизнь есть так же явление природы, как и рост цветка или развитие общественной жизни у муравьев и пчел, то нет основания, переходя от цветка к человеку или от поселения бобров к человеческому городу, оставлять метод, который до сих пор так хорошо служил нам, и искать другой в арсенале метафизики.

Индуктивный метод, употребляемый нами в естественных науках, так хорошо доказал свою силу, что XIX век мог двинуть науки в течение ста лет больше, чем они подвинулись в течение двух предыдущих тысячелетий. И когда во второй половине XIX в. его начали прилагать к изучению человеческих обществ, то нигде не встретилось ни одного пункта, где было бы необходимо отбросить его и вернуться к средневековой схоластике, возрожденной Гегелем. Более того, когда натуралисты, платя дань своему буржуазному воспитанию, желали учить нас, основываясь якобы на научном методе дарвинизма, и говорили: «Дави всякого, кто слабее тебя: таков закон природы», – то нам было легко доказать при помощи того же научного метода, что эти ученые шли по ложному пути; что такого закона не существует; что природа учит нас совершенно другому и что подобные заключения ни с какой стороны не научны. То же самое можно сказать про утверждение, которое желало бы заставить нас поверить, что неравенство имуществ есть «закон природы» и что капиталистическая эксплуатация представляет собой самую выгодную форму общественной организации. Именно приложение метода естественных наук к экономическим фактам и позволяет нам доказать, что так называемые «законы» буржуазных общественных наук – включая сюда и политическую экономию, – вовсе не законы, а простые утверждения или даже предположения, которые никогда не проверялись на практике.

Прибавим еще несколько слов. Научное исследование бывает плодотворно только при условии, что оно имеет определенную цель, и только тогда, когда оно предпринято с намерением найти ответ на определенный, точно поставленный вопрос. Каждое исследование тем более плодотворно, чем яснее понимаются отношения, существующие между поставленным к разрешению вопросом и основными линиями нашего мирозерцания. Чем лучше этот вопрос входит в наше мирозерцание, тем легче его разрешить.

И вот вопрос, который ставит себе анархия, мог бы быть выражен следующими словами: «Какие общественные формы лучше обеспечивают в данном обществе и, следовательно, в человечестве вообще наибольшую сумму счастья, а потому и наибольшую сумму жизнестости?» – «Какие формы общества позволяют лучше этой сумме счастья расти и развиваться качественно и количественно; то есть позволяют счастью стать более полным и более общим?» Это, между прочим, дает нам и формулу прогресса. Желание помочь эволюции в этом направлении определяет характер общественной, научной, артистической и т. д. деятельности анархиста.

IX. Анархический идеал

Его происхождение. – Предшествоющие революции. – Как он вырабатывается естественно-научным методом

Анархия, как мы уже сказали, родилась из указаний практической жизни.

Годвин⁷⁴, современник Великой революции 1789–1793 гг., видел своими собственными глазами, как правительственная власть, созданная во время Революции и силами Революции, сделалась в свою очередь препятствием к развитию революционного движения. Он знал также то, что происходило в Англии под прикрытием парламента: грабеж общинных земель, продажа выгодных правительственных должностей, охота на детей бедняков, которые отнимались специальными агентами, разъезжавшими для этого по Англии, и посылались на фабрики в Ланкашир, где они гибли массами; и так далее. Годвин понял, что правительство, будь это даже правительство «Единой и Нераздельной Республики» якобинцев, никогда не сможет совершить необходимую социальную, коммунистическую революцию; что даже революционное правительство уже по одному тому, что оно является охранителем государства и привилегий, которое всякое правительство должно защищать, само становится скоро препятствием для революции. Он понял и высказал основную анархическую мысль, что для торжества революции люди должны прежде всего отделаться от своих верований в закон, власть, порядок, собственность и другие суеверия, унаследованные ими от рабского прошлого.

Второй теоретик анархии, пришедший после Годвина, – Прудон пережил неудавшуюся революцию 1848 г. Он также видел своими глазами преступления, совершенные республиканским правительством, и в то же время он мог убедиться в бессилии государственного социализма Луи Блана⁷⁵. Под свежим еще впечатлением того, что он пережил во время движения 1848 г., он написал свою «Общую идею революции», где смело провозгласил уничтожение государства и анархию.

Наконец, в Интернационале анархическая идея созрела также после революции, то есть после Парижской Коммуны 1871 г. Полное революционное бессилие совета Коммуны, который имел, однако, в своей среде в справедливой пропорции представителей всех революционных фракций того времени (якобинцев, бланкистов и интернационалистов), а также неспособность Генерального совета Интернационала, заседавшего в Лондоне, и его столь же нелепые, сколько вредные претензии управлять парижским движением посредством приказов, посылаемых из Англии, – эти два урока открыли глаза многим. Они заставили многих членов Интернационала, считая в том числе Бакунина, задуматься над злом всякой власти, даже если она избрана свободно, как это было в Коммуне и в рабочем Интернационале.

Несколько месяцев спустя решение Генерального совета Интернационала, принятое на тайной конференции, созванной в Лондоне в 1871 г. вместо ежегодного конгресса, сделало еще более очевидным неудобство правительства в Международном союзе рабочих. После этой несчастной резолюции силы рабочего союза, до сих пор направлявшиеся на экономически-революционную борьбу, на прямую, открытую борьбу рабочих союзов против капитализма

⁷⁴ Уильям Годвин считал, что общество делится на два класса – богатых и бедных. Последние составляют 98 % населения. Бедные создают весь доход, но сами они не получают почти ничего, и почти весь продукт их труда достается ничтожному меньшинству, которое в силу этого и является богатым. Причину социального неравенства и нищеты он видел в существовании частной собственности, которую предлагал уничтожить, – вместе с государством, покровительствующим богатым.

⁷⁵ Луи-Жан-Жозеф Блан (1811–1882) – французский социалист, историк, журналист и политик, деятель революции 1848 года.

хозяев, были брошены в политическое, избирательное и парламентарное движение, где они могли только обесцветиться, расплыться и погибнуть.

Это решение вызвало открытое восстание латинских федераций – Испанской, Итальянской, Юрской и отчасти Бельгийской – против Генерального Лондонского совета (во Франции Интернационал был строго запрещен), и с этого восстания начинается анархическое движение, которое продолжается до наших дней.

Таким образом, анархическое движение начиналось каждый раз под впечатлением какого-нибудь большого практического урока. Оно зарождалось из уроков самой жизни. Но раз начавшись, оно стремилось также немедленно найти свое теоретическое, научное выражение и обоснование – научное не в том смысле, чтобы усвоить себе непонятный большинству язык, и не в смысле обращения к отвлеченной метафизике, а в том смысле, что оно находило свое обоснование в естественных науках данного времени и само становилось одной из отраслей естественных наук.

В то же время анархисты работали над развитием своего идеала: своего понимания будущего строя жизни.

Никакая борьба не может иметь успеха, если она остается бессознательной, если она не отдает себе конкретного, реального отчета в своих целях. Никакое разрушение существующего невозможно без того, чтобы уже в момент разрушения и борьбы, ведущей к разрушению, люди не представляли себе в уме, что займет место того, что желают разрушить. Невозможно даже теоретически критиковать существующее, не рисуя уже себе в уме более или менее определенный образ того, что желают видеть на месте существующего. Сознательно или бессознательно идеал – понятие о лучшем – рисуется в уме каждого, кто критикует существующие учреждения.

Это особенно относится к человеку действия. Сказать людям: «Давайте сначала разрушим капитализм или самодержавие, а потом мы увидим, что поставить на их место», – значило бы просто обманывать себя и других. Но силы нельзя создать обманом. И действительно, даже тот, кто говорит таким образом, имеет какое-нибудь представление о том, что он желал бы увидеть на месте того, на что он нападает. Так, например, работая над разрушением в России самодержавия, одни рисуют себе в близком будущем конституцию на английский или немецкий лад. Другие мечтают о республике, подчиненной, может быть, могучей диктатуре их партии, о монархической республике, как во Франции, или о федеративной республике, как в Соединенных Штатах Америки. Наконец, другие думают об еще большем ограничении власти государства – о еще большей свободе городов, коммун, рабочих союзов и всяких групп, соединившихся между собой федеральными узами.

Точно так же каждый, кто нападает на капитализм, имеет какое-нибудь определенное или неясное представление о том, что он желал бы видеть на месте существующего буржуазного капитализма: государственный капитализм, или какой-нибудь род государственного коммунизма по плану Бабефа, или, наконец, федерацию более или менее коммунистических ассоциаций для производства, обмена и потребления того, что они доставляют из земли, или того, что они производят в промышленности.

Каждая партия имеет, таким образом, свое представление о будущем, свой идеал, который помогает ей судить обо всех фактах политической и экономической жизни народов, а также и находить способы действия, которые подходят к ее идеалу и позволят ей лучше идти к своей цели.

Вполне естественно, что, хотя анархия родилась среди каждодневной борьбы, она также работала над выработкой своего идеала; и этот идеал, эта цель, эти стремления скоро отделили анархистов в их способах действия от всех других политических партий, а также, в большинстве случаев, от социалистических партий, которые верили в возможность удержать старинный римско-церковный идеал государства и перенести его в будущее общество своих мечтаний.

Х. Анархия

Краткий обзор ее основных начал. – Закон. – Нравственность. Экономические понятия. – Государство

В силу различных исторических, политических и экономических данных, а также в силу уроков новейшей истории у анархистов сложился, как мы уже сказали, свой взгляд на общество, совершенно иной, чем у всех политических партий, стремящихся к захвату государственной власти в свои руки.

Мы представляем себе общество в виде организма, в котором отношения между отдельными его членами определяются не законами, наследием исторического гнета и прошлого варварства, не какими бы то ни было властителями, избранными или же получившими власть по наследию, а взаимными соглашениями, свободно состоявшимися, равно как и привычками и обычаями, также свободно признанными. Эти обычаи, однако, не должны застывать в своих формах и превращаться в нечто незыблемое под влиянием законов или суеверий. Они должны постоянно развиваться, применяясь к новым требованиям жизни, к прогрессу науки и изобретений и к развитию общественного идеала, все более разумного, все более возвышенного.

Таким образом – никаких властей, которые навязывают другим свою волю, никакого владычества человека над человеком, никакой неподвижности в жизни, а вместо того – постоянное движение вперед, то более скорое, то замедленное, как бывает в жизни самой природы. Каждому отдельному лицу предоставляется, таким образом, свобода действий, чтобы оно могло развить все свои естественные способности, свою индивидуальность, т. е. все то, что в нем может быть своего, личного, особенного. Другими словами – никакого навязывания отдельному лицу каких бы то ни было действий под угрозой общественного наказания или же сверхъестественного мистического возмездия: общество ничего не требует от отдельного лица, чего это лицо само не согласно добровольно в данное время исполнить. Наряду с этим – полнейшее равенство в правах для всех.

Мы представляем себе общество равных, не допускающих в своей среде никакого принуждения, и, несмотря на такое отсутствие принуждения, мы несколько не боимся, чтобы в обществе равных вредные обществу поступки отдельных его членов могли бы принять угрожающие размеры. Общество людей свободных и равных сумеет лучше защитить себя от таких поступков, чем наши современные государства, которые поручают защиту общественной нравственности полиции, сыщикам, тюрьмам – т. е. университетам преступности, – тюремщикам, палачам и судам. В особенности сумеет оно предупреждать самую возможность противообщественных поступков путем воспитания и более тесного общения между людьми.

Ясно, что до сих пор нигде еще не существовало общества, которое применяло бы на деле эти основные положения. Но во все времена в человечестве было стремление к их осуществлению. Каждый раз, когда некоторой части человечества удавалось хоть на время свергнуть угнетавшую его власть или же уничтожить укоренившиеся неравенства (рабство, крепостное право, самодержавие, владычество известных каст или классов); всякий раз, когда новый луч свободы и равенства проникал в общество, всегда народ, всегда угнетенные старались хотя бы отчасти провести в жизнь только что указанные основные положения.

Поэтому мы вправе сказать, что анархия представляет собой известный общественный идеал, существенно отличающийся от всего того, что до сих пор восхвалялось большинством философов, ученых и политиков, которые все хотели управлять людьми и давать им законы. Идеалом господствующих классов анархия никогда не была. Но зато она часто являлась более или менее осознанным идеалом масс.

Однако было бы ошибочно сказать, что анархический идеал общества представляет собою утопию. Всякий идеал представляет стремление к тому, что еще не осуществлено, тогда как слову «утопия» в обыденной речи придается значение чего-то неосуществимого.

В сущности, слово «утопия» должно было бы применяться только к таким представлениям об обществе, которые основаны лишь на том, что писателю представляется теоретически желательным, и никогда не должно прилагаться к представлениям, основанным на наблюдении того, что уже совершается в обществе. Таким образом, в число утопий должны быть включены: Республика Платона, Всемирная Церковь, о которой мечтали папы, наполеоновская Империя, мечтания Бисмарка, мессианизм поэтов, ожидающих появления Спасителя, который возвестит миру великие идеи обновления. Но совершенно ошибочно применять слово «утопия» к предвидениям, которые, подобно анархии, основаны на изучении направлений, уже обозначившихся в обществе в его теперешнем развитии. Здесь мы выходим из области утопических мечтаний и вступаем в область положительного знания – научного предвидения.

В данном случае тем более ошибочно говорить об утопии, что отмеченные нами стремления играли уже не раз чрезвычайно важную роль в истории человечества, потому что именно они послужили основанием для так называемого обычного права – права, господствовавшего в Европе среди миллионов людей с пятого по шестнадцатое столетие. Эти стремления стали теперь вновь проявляться в образованных обществах, после того как в течение трех столетий Европа производила у себя опыты с государственною формою общежития. И на этом наблюдении, важность которого не ускользнет от внимания всякого, кто изучал историю цивилизации, основывается наша уверенность в том, что анархия представляет собою идеал возможный, осуществимый.

Нам, конечно, говорят, что от идеала далеко до его осуществления. Несомненно, так. Но не мешает помнить, что в конце XVIII столетия, в то самое время, когда созидались Соединенные Штаты Северной Америки, среди очень умных людей в Европе желание создать известной величины общество с республиканским строем правления считалось бессмыслицей: республика, говорили тогда, может существовать только маленькая, как Швейцария или Штаты Голландии⁷⁶. А между тем республики Северной и Южной Америки, а затем Франция доказали, что «утописты» были не со стороны республиканцев, а со стороны монархистов.

«Утопистами» были всегда те, кто в силу своих личных желаний не хотел принимать во внимание новые, уже намечавшиеся тенденции, новые направления; те, кто приписывал слишком большую устойчивость тому, что уже стало достоянием прошлого, не замечая, что это прошлое было последствием преходящих исторических условий, заменившихся новыми условиями жизни.

Мы уже сказали в начале настоящего очерка, что, изучая происхождение анархического течения мысли, мы всегда наталкиваемся на два главных его источника: с одной стороны, критика государственных, иерархических организаций и представлений о власти вообще, а с другой стороны, разбор тех направлений, которые постоянно намечались и намечаются в поступательном движении человечества в прошлом и особенно в настоящее время.

С самых отдаленных времен каменного века дикари должны были видеть, какие происходят плачевные последствия, как только люди позволяют завладеть властью кому-нибудь из своей среды, хотя бы то был самый умный, самый храбрый, самый мудрый из них. Вот почему наши предки уже в самые отдаленные времена старались выработать такие учреждения, которые мешали бы отдельным лицам захватывать власть. Их племена, их роды, а в более поздний период деревенская община, средневековые цехи (цехи доброго соседства, цехи ремесел и искусств, купцов, охотников и т. п.) и, наконец, вольные города или «народоправства» (как их

⁷⁶ Это мнение было распространено даже среди французских республиканцев, во время Великой французской революции. Штаты Голландии – это неверный термин (не штаты, а провинции и не Голландии, а Нидерландов).

совершенно верно называл Костомаров) с XII по XVI в. – все это были учреждения, возникшие среди народа. Они установлены были не предводителями и не вожаками, а самим народом, чтобы противодействовать захвату власти иноземными завоевателями или отдельными членами своего же рода, племени или города.

То же направление народной мысли проявилось в религиозных движениях народных масс во всей Европе во время движения гуситов в Богемии и анабаптистов в западной части Европы. Эти движения, носившие в себе зачатки анархической противогосударственной мысли, послужили, как известно, предтечами, подготовлением протестантской Реформации и крестьянских восстаний XVI в.

Гораздо позже, в 1793–1794 гг., во Франции мы снова видим проявление такого же народного творчества и такой же независимо народный образ действий в удивительно плодотворной деятельности «секций», т. е. «отделов» города Парижа и других больших городов, равно как и целого ряда маленьких общин во время Великой Революции (см. подробно об этом в моей книге о Французской революции).

И наконец, еще позже мы встречаем тот же дух в рабочих союзах, образовавшихся в Англии и Франции, как только стала развиваться в этих странах современная промышленность, причем эти союзы слагались и действовали, несмотря на драконовские законы, направленные против них. И здесь мы снова наталкиваемся на тот же народный дух, который старается защитить себя – на этот раз от насилия капиталистов и их пособников – церкви и государства.

Понятия анархизма у древних; в Средние века; в конце XVIII и в середине XIX в: Годвин. – Прудон. – Штирнер

Народные движения – плод народного творчества – не могли не отразиться в литературе. Действительно, мы встречаем анархические мысли уже у древних философов, а именно у Лао-цзы⁷⁷ в Китае и у некоторых древнейших греческих философов, каковы Аристипп⁷⁸ и циники, а также у Зенона⁷⁹ и некоторых стоиков. Впрочем, так как анархическая мысль рождалась главным образом среди масс, а не среди немногочисленной аристократии ученых, и эти последние чувствовали мало симпатии к народным движениям, то мыслители обыкновенно и не старались выяснить ту глубокую мысль, которой всегда вдохновлялись народные движения. Во все времена философы и ученые предпочитали покровительствовать государственному направлению мысли и духу иерархической подчиненности. Еще в те времена, когда только занималась заря науки, их любимым предметом изучения было искусство управления людьми, а потому нечего удивляться, что так редки были философы с анархическим направлением мысли.

Однако одним из таковых был греческий стоик Зенон. Он проповедовал свободную общину без правительства и противопоставлял ее утопии государственного направления – Республике Платона. Зенон уже указывал на инстинкт общности в человеке, который, по его словам, природа развила как противовес эгоистическому инстинкту самосохранения. Он предвидел то время, когда люди соединятся, невзирая на границы, и составят «Космос», Вселенную, не нуждаясь больше ни в законах, ни в судах, ни в храмах, ни в деньгах, чтобы обмени-

⁷⁷ Лао-цзы – древнекитайский философ VI–V веков до н. э. В рамках современной науки историчность Лао-цзы подвергается сомнению, тем не менее в научной литературе он все равно определяется как основоположник даосизма. В основе даосизма лежит учение о «дао» – пути достижения гармонии. Дао – это начало всего, и основным его правилом является следование своей судьбе («потоку жизни») без сопротивления, а иногда и просто плывя по течению. Главным постулатом даосизма является принцип равновесия и взаимосвязи мужского начала «ян» и женского начала «инь».

⁷⁸ Аристипп – древнегреческий философ из Кирены (Северная Африка), ученик и друг Сократа.

⁷⁹ Зенон Китийский – древнегреческий философ из Афин, основоположник стоической школы.

ваться взаимными услугами. Даже его выражения, по-видимому, поразительно сходны с выражениями, употребляемыми теперь анархистами.

Епископ Альбский, Марк Джироламо Вида⁸⁰, исповедовал в 1553 г. подобные же взгляды против государства, против его законов и его «высшей несправедливости». Те же мысли мы встречаем также у гуситов⁸¹ (особенно у Хоецкого в XV столетии) и у первых анабаптистов, так же как и у их предшественников IX в., армянских рационалистов.

Рабле⁸² в первой половине XVI в., Фенелон⁸³ к концу XVII столетия и главным образом энциклопедист Дидро во второй половине XVIII в. развивали те же мысли, которые, как мы уже сказали, начали применяться до некоторой степени в независимой деятельности отделов (секций) и коммун (общин) во время Великой Французской революции.

Но первым изложил политические и экономические положения анархизма англичанин Уильям Годвин в 1793 г. в своем «Исследовании относительно Политической Правды и ее влияния на общую нравственность и счастье». Он не употреблял слова «анархия», но очень хорошо излагал ее основные положения, нападая на законы, доказывая ненужность государства и говоря, что только с уничтожением судов будет достигнуто настоящее правосудие – единственное настоящее основание всякого общества. Что касается собственности, то он прямо требовал коммунизма.

Прудон первый употребил слово «анархия»⁸⁴ в смысле общественного строя без правительства и первый подверг строгой критике тщетные усилия людей дать себе правительство, которое мешало бы богатым угнетать бедных и вместе с тем оставалось бы под контролем управляемых. Тщетные попытки, делавшиеся во Франции начиная с 1793 г., чтобы дать себе конституцию, которая отвечала бы этой двойственной цели, и неудача революции 1848 г. доставили ему, конечно, богатый материал для такой критики.

Прудон был врагом всяких форм государственного социализма; коммунисты же того времени (тридцатые и сороковые годы XIX в.) являлись одной из разновидностей государственного социализма, а потому Прудон беспощадно разбирал и отрицал все планы подобной революции. Принимая за основание «чеки труда»⁸⁵, предложенные Робертом Оуэном, он развивал понятие о взаимности (мютюэлизме), которое сделало бы излишним всякое политическое правительство.

Так как, говорил Прудон, меновая ценность всех товаров может быть измеряема только количеством труда, необходимого в данное время в обществе для производства каждого товара, то весь обмен товаров в обществе может производиться при посредстве Национального банка, который принимал бы в уплату за товары «чеки труда». Clearing House, т. е. особая счетная контора, как это теперь делается банками, определял бы каждый день разницу между приходом и следуемыми платежами всех отделений Национального банка.

Услуги, которыми таким образом обменивались бы различные лица, были бы равнозначными, т. е. представляли бы одинаковые ценности. Кроме того, Национальный банк был бы

⁸⁰ Марк Иероним (Марко Джироламо) Вида (1490–1566) – итальянский гуманист, поэт, епископ Альбы (с 1532 года).

⁸¹ Гуситы – чешское реформаторское религиозное движение, названное по имени Яна Гуса и принявшее в 1419 году революционные формы.

⁸² Франсуа Рабле (1494–1553) – французский писатель, редактор, врач. Один из величайших французских сатириков, автор романа «Гаргантюа и Пантагрюэль».

⁸³ Франсуа де Салиньяк де Ла Мот-Фенелон (1651–1715) – французский священнослужитель, писатель, педагог, богослов. Автор знаменитого романа «Приключения Телемака» (1695).

⁸⁴ Пьер-Жозеф Прудон писал, что анархия подразумевает отсутствие суверена, господина, давая им обозначение в лице правительства. Анархия у Прудона была мерой свободы, признающей лишь власть закона или «необходимости».

⁸⁵ Чеки труда – по-английски labour cheques, по-французски bans du travail – это чеки, или ассигнации, обозначающие один, два, три, десять и т. д. часов труда (с их подразделением на минуты), которые выдавались бы рабочему в уплату за его труд. Банк мог бы принимать их совершенно так же, как теперь принимаются чеки или денежные знаки (звонкая монета или ассигнации). (Прим. П. А. Кропоткина)

в состоянии дать займы производителям, объединенным в производительные союзы, суммы, необходимые для их производства, – но не деньгами, а чеками труда. В результате по этим займам не приходилось бы платить процентов, так как вместо частного капиталиста заимодателем являлась бы нация, весь народ, оказывающий друг другу кредит при посредстве Национального банка. А чтобы покрыть издержки по управлению Банком, достаточно было бы платить один процент в год с одолженной суммы или даже меньше полпроцента. При таких условиях беспроцентных займов капитал потерял бы свой вредный характер; он перестал бы быть средством эксплуатации. Прибавим, что Прудон подробно развил свою систему взаимности, доказывая фактами свои мысли о ненужности и вреде государства и правительства. Вероятно, он не знал своих английских предшественников, но факт тот, что экономическая часть его программы была еще раньше, в 1829 г., развита в Англии Уильямом Томпсоном⁸⁶, очень известным экономистом, который проповедовал взаимность раньше, чем сделался коммунистом. Ту же мысль развивали потом английские продолжатели Томпсона – Джон Грэй (John Gray, 1825–1831), Ходжскин (Hodgskin, 1825–1832) и И. Т. Брэй (J. T. Bray, 1839). Хотя названные авторы не формулировали анархии, как это сделал Прудон и его продолжатели, тем не менее верно – как заметил английский профессор Фоксвелл⁸⁷ (Foxwell) в своем введении к английскому переводу замечательной книги А. Менгера «Право на цельный продукт труда» (*Droit au produit integral du travail*. Vienne, 1886), – что течение анархической мысли дает себя чувствовать во всем английском социализме этих годов.

В Соединенных Штатах то же направление было представлено Джошуа Уорреном⁸⁸ (Joshua Warren), который, бывши сначала членом колонии Оуэна «Новая Гармония», сделался противником коммунизма и основал в 1826 г. в Цинциннати «склад», где продукты обменивались на основании ценности, измеряемой часами труда и «чеками труда» (трудовыми марками). Подобные учреждения существовали еще в 1865 г. под названием справедливых складов, справедливых домов и справедливых деревень.

Ту же мысль об обмене произведенных полезностей, измеряя ценность каждой из них количеством труда, потребного для ее производства, проповедовали в Германии в 1843–1845 гг. Моисей Гесс и Карл Грюн, а в Швейцарии – Вильгельм Марр. Они, таким образом, боролись против учения о государственном коммунизме, которое проповедовал Вейтлинг в своих кружках, очевидно являвшихся преемниками французских последователей Бабефа (бабувистов).

С другой стороны, в Германии, в противовес государственному коммунизму Вейтлинга, находившему довольно многочисленных сторонников среди рабочих, один немецкий гегелианец, Макс Штирнер⁸⁹ (его настоящее имя было Иоанн Каспар Шмидт), опубликовал в 1845 г. свою работу «Единственный и его достояние», которая несколько лет тому назад была, так сказать, вновь открыта Маккаем⁹⁰ (Маккау) и произвела большой шум в наших анархических кругах, где некоторые смотрели на нее как на своего рода манифест анархистов-индивидуалистов.

⁸⁶ Уильям Томпсон (1775–1833) – ирландский мыслитель, экономист, социолог и социальный реформатор. Его принято считать «первым ирландским социалистом» и предшественником Маркса.

⁸⁷ Герберт Сомертон Фоксвелл (1849–1936) – английский экономист.

⁸⁸ Стоимость человеческого труда является мерилем оценки стоимости товаров, как писал английский философ и социалист Роберт Оуэн. Его идеи подхватил американец Джошуа Уоррен. В 1826 году в городе Цинциннати он открыл магазин, в котором продавал товары за купоны, на которых указывалось время. Покупатель, владеющий каким-то ремеслом, предлагал в обмен на товары определенное количество времени, которое он был согласен потратить, оказывая свои услуги. Так возникла система обмена времени не на деньги, а на труд. Причем обмен происходил по себестоимости, без наценки, что привело к огромной популярности предприятия Уоррена.

⁸⁹ Макс Штирнер (1806–1856) – немецкий философ, близкий к левым гегельянкам. Считается основателем философии индивидуалистического анархизма и предшественником нигилизма, экзистенциализма и постмодернизма. Он проповедовал право свободно распоряжаться собой, которое присуще любому человеку от рождения, рекомендовал образование «союзов эгоистов».

⁹⁰ Джон Генри Маккей (1864–1933) – немецкий писатель шотландского происхождения, анархо-индивидуалист. Идеал

Работа Штирнера представляет собой возмущение против государства и новой тирании, которая установилась бы, если бы государственному коммунизму удалось восторжествовать. Рассуждая как истый метафизик-гегельянец, Штирнер проповедовал возрождение человеческого «Я» и «Главенство» отдельной личности. Таким образом, он приходил к проповеди «аморали», т. е. отсутствия нравственности, и «сообщества эгоистов».

Ясно, однако, как на это уже указывали писатели-анархисты и еще недавно французский профессор В. Баш⁹¹ (Basch) в своем интересном труде «Анархический индивидуализм: Макс Штирнер» (Париж, 1904 г.), что этот род индивидуализма, требуя «полного развития» – не для всех членов общества, но только для тех, которые будут признаны самыми способными, не заботясь о развитии всех, является скрытым возвратом к существующей теперь монополии досуга, обеспеченности и образования в пользу небольшого количества людей под покровительством государства. Это не что иное, как «право на полное развитие» для привилегированного меньшинства, т. е. право, которое только и может существовать при условии обеспечения этого права государством.

Действительно, допустивши даже, что подобная монополия желательна – что было бы совершенно нелепо, – она не могла бы существовать без покровительства подобающего законодательства, без власти, организованной в государстве. Таким образом, требования индивидуалистов вроде Штирнера обязательно приводят их обратно к идее государства и власти, которую они сами так хорошо критикуют. Их положение подобно положению Спенсера или школы буржуазных экономистов, известной под именем манчестерской, которые также начинают с суровой критики государства, но кончают признанием его отправлений для поддержания монополии собственности, которой лучшим покровителем всегда было государство. Без государства монополия личной собственности и всяких «Я», воображающих себя «сверхчеловеками», невозможна.

XI. Анархия (продолжение)

Дальнейшее ее развитие. – Способы действия. – Международный союз рабочих (Интернационал). – Коммунисты-государственники и мютюэлисты (прудонианцы). – Сенсимонизм

Мы вкратце ознакомились с развитием анархической мысли, начиная с Французской революции и Годвина и дойдя до Прудона. Ее дальнейшее развитие происходило в Международном союзе рабочих, союзе, внушившем столько надежд рабочим и столько страха буржуазии в 1868–1870 гг., как раз перед началом франко-немецкой войны.

Что этот союз не был основан Марксом, как это любят утверждать марксисты, – это ясно. Известно, что он был следствием встречи делегации французских рабочих, приехавших в 1862 г. в Лондон для осмотра Второй Всемирной выставки, с представителями английских профессиональных союзов (трэд-юнионов⁹²), которые вместе с присоединившимися к ним несколькими английскими радикалами встречали эту делегацию. Связь, установившаяся с

политического устройства по Маккею – это безгосударственное общество мелких частных собственников, строящих отношения на основе свободного договора и свободных союзов. В основе экономических отношений анархического общества, считал Маккей, будут лежать принципы рыночной экономики («свободный и ничем не стесняемый обмен ценностей внутри и вовне»), предполагающий свободную, неограниченную конкуренцию и право частной собственности, основанное на захвате и личном труде индивидуума.

⁹¹ Виктор-Гийом Баш (1863–1944) – французский политик и профессор философии в Сорбонне, выходец из Венгрии.

⁹² Тред-юнион (от англ. trade – «профессия», «ремесло» и union – «объединение», «союз») – название профессиональных союзов в Великобритании и странах Британской империи.

этого посещения, еще более окрепла по случаю митинга сочувствия Польше в 1863 г., и в сентябре следующего 1864 г. на митинге в Сент-Мартинс Холле Союз был основан окончательно. Марксу поручили составить воззвание Союза, которое было напечатано в конце года особою брошюрою, вместе с Временным Уставом Интернационала, выработанным особым комитетом.

Уже в 1830 г., в то время, когда основывался в Англии Великий Национальный Союз всех ремесел (The Great National Trades Union), Роберт Оуэн пытался устроить Международный Союз всех ремесел.

Но скоро эту мысль пришлось оставить, так как английское правительство стало яростно преследовать Национальный Союз. Однако мысль Интернационала не была потеряна; она тлела под пеплом в Англии, нашла сторонников во Франции, и после поражения, которое потерпела революция 1848 г., та же мысль была перенесена французскими изгнанниками в Соединенные Штаты и распространялась там французскою газетою «Интернационал».

Французские рабочие, посетившие Лондон в 1862 г., были большею частью прудонисты, т. е. мютюэлисты⁹³; английские же члены рабочих союзов принадлежали главным образом к школе Роберта Оуэна. Английский оуэнизм таким образом соединился с французским мютюэлизмом вне влияния политической буржуазии; и следствием этого союза было основание сильной международной организации рабочих с целью вести борьбу, главным образом на экономической почве, и раз и навсегда порвать со всякими радикальными, чисто политическими партиями.

Этот союз двух главных направлений среди рабочих-социалистов того времени нашел поддержку в лице Маркса и других – у остатков тайной политической организации коммунистов; в нее входило тогда все, что еще оставалось от тайных обществ Барбеса⁹⁴ и Бланки⁹⁵, которые, подобно немецким тайным коммунистическим обществам Вейтлинга, вели свое начало из заговора государственных коммунистов, организованного Бабефом в 1794–1795 гг.

В одной из предыдущих глав (гл. V) читатель видел, что 1856–1862 гг. были отмечены необыкновенным подъемом естественных наук и философии. Это были также годы почти всеобщего политического пробуждения радикальных идей в Европе и Америке. Оба эти движения пробуждали и рабочие массы, которые начали понимать, что им самим предстоит задача подготовить народную пролетарскую революцию. После поражения политической революции 1848 г. выступила мысль о необходимости приготовления экономической революции в среде самих рабочих. На Международную выставку 1862 г. смотрели как на великий праздник мировой промышленности, и она сделалась отправным пунктом развития в борьбе труда за свое освобождение; и когда Международный союз рабочих громко заявил о своем разрыве со всеми старыми политическими партиями и о решении рабочих взять в свои руки дело своего освобождения, он повсеместно произвел глубокое впечатление.

Действительно, Интернационал начал быстро распространяться в латинских странах. Его боевая сила скоро достигла угрожающих размеров, тогда как конгрессы его федераций и ежегодные конгрессы всего Интернационала давали рабочим возможность самим обсуждать, в чем

⁹³ Мютюэлизм (от фр. *mutuel* – «взаимный», «совместный») – это анархическое направление экономической теории и социальной и политической философии, восходящее к первой половине XIX века, в особенности к работам Пьера-Жозефа Прудона. Главным основанием свободы мютюэлисты считали право рабочего или группы рабочих распоряжаться землей и орудиями труда, необходимыми в процессе производства. Последователи Прудона не пользовались термином «анархизм», а предпочитали именовать себя мютюэлистами по названию тайной рабочей организации, действующей в Лионе в 1830-х гг., к которой принадлежал Прудон. В 1864 году группы мютюэлистов, соединившись с английскими трейд-юнионистами и европейскими социалистами, создали в Лондоне «Международное товарищество рабочих (Первый Интернационал)». Мютюэлисты первыми выступили в качестве оппозиции Карлу Марксу и его сторонникам, отстаивающим тактику политической борьбы, захвата государственной власти и установления диктатуры пролетариата.

⁹⁴ Арман Барбес (1809–1870) – французский левый политик и революционер.

⁹⁵ Луи-Огюст Бланки (1805–1881) – участник политических обществ и заговоров. Провел в общей сложности почти 37 лет в тюремных заключениях. Идеолог левого революционного течения, названного в его честь бланкизмом (бланкизм – это левое революционное течение, отдающее приоритет заговорщической деятельности и террору против властей).

должна состоять социальная революция и как могла бы она совершиться. Они, таким образом, побуждали созидательные силы рабочих масс изыскивать новые формы объединения для производства, потребления и обмена.

В ту пору повсеместно думали, что в Европе скоро разразится великая революция, а между тем представления, более или менее ясного, относительно политических форм, которые могла бы принять революция, и относительно ее первых шагов – не существовало. Напротив того, в самом Интернационале встречались и сталкивались несколько совершенно противоположных течений социализма.

Господствующей мыслью в союзе рабочих была мысль о прямой, непосредственной борьбе труда против капитала на экономической почве, т. е. освобождение труда не при помощи законодательства, на которое согласилась бы буржуазия, а самими рабочими, которые силою будут вырывать у капиталистов и в конце концов заставят их сдаться вполне. «Освобождение рабочих должно быть делом самих рабочих!» – гласило основное правило Интернационала, и теперь это основное начало снова возродилось в синдикалистском движении, которое тоже принимает интернациональный характер.

Но как, в какой форме совершится освобождение труда из-под ига капиталистов? Какую новую форму могло бы принять устройство производства и обмена? По этому вопросу социалисты 1864–1870 гг. были так же несогласны между собой, как и в 1848 г., когда представители различных социалистических учений встретились в Париже, в Учредительном собрании провозглашенной в феврале 1848 г. Республики.

Подобно своим французским предшественникам 1848 г., которых стремления так хорошо изложил Консидеран⁹⁶ в своей книге «Социализм перед лицом Старого Света», социалисты Интернационала точно так же не могли сойтись под одним знаменем. Они колебались в выборе между различными решениями, и ни одно из них не было ни достаточно правильно, ни достаточно очевидно, чтобы объединить умы; причем объединение было тем более трудно, что сами социалисты еще не расстались со своим уважением к капиталу и государственной власти.

Бросим же беглый взгляд на эти различные течения. В Интернационале встречались, во-первых, прямые наследники якобинства Великой Французской революции – т. е. заговора Бабефа – в лице тайных обществ французских «коммунистов» (бланкистов) и немецкого Коммунистического Союза, основанного Вейтлингом⁹⁷. И те и другие жили традициями ярого якобинства 1793 г. Известно, что в 1848 г. они все еще мечтали завладеть в один прекрасный день политической властью в государстве посредством заговора – может быть, также при помощи диктатора – и установить «диктатуру пролетариата» по образцу якобинских обществ 1793 г., но на этот раз в пользу рабочих. Эта диктатура, думали они, установит коммунизм посредством законодательства.

Правительству, говорили они, достаточно будет провести законодательством всевозможные стеснительные законы и налоги, которые сделают существование собственников настолько затруднительным, что они сами скоро будут счастливы избавиться от собственности и передать ее государству. Тогда государство будет посылать «армии земледельцев», чтобы обрабатывать поля. Промышленные заведения, устроенные по тому же полувоенному образцу, будут тоже вестись государством⁹⁸.

⁹⁶ Виктор Консидеран (1808–1893) – французский философ и экономист, социалист-утопист, последователь Шарля Фурье, глава школы фурьеристов: выступал с идеей «примирения классов» путем создания ассоциации производителей. Стоял за привлечение рабочих к участию в доходах капиталистических предприятий.

⁹⁷ Вильгельм Вейтлинг (1808–1871) – немецкий философ-утопист, один из теоретиков немецкого социализма (так называемого уравнительного коммунизма). Карл Маркс считал Вейтлинга одним из своих учителей в вопросах рабочего движения.

⁹⁸ Интересно напомнить, что подобные же мысли, очень распространенные в то время, о государственном землепашестве при помощи «земледельческих армий» были восхваляемы в брошюре «Уничтожение пролетариата» Наполеоном III, который был тогда претендентом на пост президента республики. Ставши императором, он не прочь был применить те же мысли к орощению и облесению некоторых частей Франции, именно Солоньи. (Прим. П. А. Кропоткина)

Такие же взгляды были распространены среди социалистов и во время основания Интернационала, и они продолжали находить сторонников позднее: во Франции среди бланкистов и в Германии – у лассальянцев и у социал-демократов.

С другой стороны, английские рабочие школы Роберта Оуэна держались взглядов, прямо противоположных этим якобинским воззрениям. Они положительно отказывались рассчитывать на силу государства как для совершения революции, так и в деле созидания социалистического строя. Они рассчитывали, главным образом, на деятельность объединенных рабочих союзов (тред-юнионов). При этом английские последователи Оуэна не стремились к государственному коммунизму. Подобно французским последователям Фурье, они придавали большое значение свободно составленным и объединенным между собой общинам и группам, которые сообща владели бы землей и фабриками, но сами организовали бы свое производство и сдавали бы то, что сработают, в общественные склады для продажи.

Вообще, производители могли бы работать как большими или малыми группами, так и в одиночку, согласно требованиям производства. Вознаграждение же за работу в общинах и группах, так же как и обмен между общинами, производился бы марками труда. Эти марки, или чеки, означали бы количество рабочих часов, проведенных в работе на общинных полях или на фабриках и в мастерских, и каждая община оплачивала бы такими марками продукты, произведенные индивидуально и сданные каждым производством в общинные склады для обмена.

Та же мысль вознаграждения марками труда была, как мы уже видели, принята Прудон и мютюэлистами в их планах преобразования общества. Они так же отрицали вмешательство государственной власти в обществе, которое родилось бы из революции. Они говорили, что социальная революция сделает хозяйственную деятельность государства ненужной, так как весь обмен может производиться Национальными банками и расчетными конторами (Clearing House), а воспитание, санитарные мероприятия, пути сообщения, промышленные предприятия и т. д. были бы в руках независимых общин.

Наконец, та же мысль о марках труда, заменяющих деньги при обмене, но уже в государстве, ставшем собственником всех земель, копеек, железных дорог, заводов, проводилась в 1848 г. двумя замечательными писателями, Пеккером и Видалем⁹⁹, которые называли свою систему коллективизмом. Оба упорно замалчиваются теперь социалистами, тем легче, что их труды, изданные в конце сороковых годов, сохранились лишь в весьма небольшом количестве экземпляров¹⁰⁰. Видал был секретарем Люксембургской Комиссии, а Пеккер был членом Учредительного собрания 1848 г. и написал тогда об этом предмете замечательный трактат. Он в нем подробно изложил свою систему – даже в виде законов, которые собранию достаточно было бы, по его словам, провести, чтобы совершить социальную революцию¹⁰¹.

⁹⁹ Шарль-Константен Пеккёр (1801–1887) – французский экономист. Впервые употребил слово «коллективизм» в 40-х гг. и является первым представителем коллективизма. В своих главных трудах Пеккёр излагал основы наиболее справедливого, по его мнению, и наиболее выгодного для национального богатства общественного строя. Он требовал социализации (слово, им тоже впервые изобретенное) или обобществления лесов, путей сообщения, минеральных богатств и, в конце концов, всех производительных сил природы, орудий труда и кредита. Капитал, по его мнению, также должен сделаться общественным. Почти одновременно с Пеккёром, но независимо от него, к аналогичным выводам пришел Франсуа Видал (1812–1872), который изложил свои идеи в книге «Жить работая!» (Vivre en travaillant!). Но Видал не рассчитывал на чувство долга (в этом его существенное отличие от Пеккёра) и ожидал постепенного усиления государственной власти и, в конце концов, законодательного принуждения граждан к труду.

¹⁰⁰ Небольшое количество экземпляров Манифеста Консидерана (на который обратил внимание Черкезов как на источник «Коммунистического Манифеста») и книг Рескуеи'a и Vidal'я одному из наших товарищей удалось разыскать на складе – в Москве! Замечательную книгу Buret о положении рабочего класса, очень широко использованную Энгельсом, как это тоже указал Черкезов, мне удалось достать также из Москвы; я купил в Париже экземпляр, некогда принадлежавший профессору Пешкову! (Прим. П. А. Кропоткина)

¹⁰¹ О том, насколько Энгельс и Маркс заимствовали у Пеккера в их «Коммунистическом Манифесте» в его построительной части, указал бельгийский профессор Андлер. См.: Шарль Андлер. Введение и Комментарий к Коммунистическому Манифесту, перев. с франц. под редакцией А. В. Кисина, Москва, 1906, изд. Петровской библиотеки в Москве. Там же, с. 43.

Во время основания Интернационала имена Пеккера и Видаля, по-видимому, были совершенно забыты даже их современниками, но мысли их были очень распространены, и скоро они стали еще более распространяться, в особенности в Германии, под именами «научного социализма», «марксизма» и «коллективизма»¹⁰².

Социалистические воззрения в Интернационале. – Сенсимонизм

Наряду с только что упомянутыми школами социализма была также, как известно, школа сенсимонистов. Главной своей силой она достигла, правда, в 30-х гг. XIX в., но и гораздо позже продолжалось ее глубокое влияние на социалистические воззрения членов Интернационала.

Многие блестящие писатели – мыслители, политики, историки, романисты, а также промышленники развились в 30-х и 40-х годах под влиянием сенсимонизма. Достаточно назвать здесь Огюста Конта в философии, Огюстена Тьерри между историками и Сисмонди среди экономистов. Все социальные реформаторы середины XIX в. испытали на себе влияние этой школы.

Движение человечества вперед, говорили сенсимонисты, до сих пор состояло в том, что рабский труд превратился в крепостной труд, а крепостной – в наемный. Но недалеко время, когда станет необходимо уничтожить и денежную зависимость труда, а с этим вместе, в свою очередь, должна будет исчезнуть и частная собственность на все необходимое для производства. В этом, прибавляли они, не надо видеть ничего невозможного, потому что Собственность и Власть уже претерпели немало изменений в исторические времена. Новые изменения оказываются нужными, и они обязательно должны совершиться.

Уничтожение частной собственности, говорили сенсимонисты, могло бы произойти постепенно, при помощи ряда мероприятий (напомним, что Великая Французская революция уже положила им начало). Эти мероприятия позволили бы, например, государству при помощи больших налогов на наследство брать себе все большую и большую часть собственности, передаваемой одним поколением другому. Таким образом количество собственности, переходящей в частные руки, постоянно уменьшалось бы, и постепенно частная собственность исчезла бы, так как сами богатые убедились бы, что им выгодно отказаться от преимуществ, созданных в их пользу исчезающей цивилизацией. Тогда добровольный отказ богатых от собственности и уничтожение наследования законодательным путем превратили бы сенсимонистское государство в единственного собственника земли и промышленности, в высшего распорядителя работами, никому не подчиненного начальника и направителя искусств, науки и промышленности.

Каждый член общества работал бы в одной из этих областей и был бы «чиновником» сенсимонистского государства. Управление же представляло бы из себя иерархию, т. е. лестничную организацию «лучших людей», – лучших в науках, искусствах и промышленности.

Распределение продуктов происходило бы согласно такому положению: «Каждому – сообразно его способностям, каждому таланту – сообразно его произведениям».

Кроме этих планов будущего сенсимонистская школа и получившая в ней свое начало позитивная философия дали XIX веку ряд замечательнейших исторических трудов, в которых происхождение власти, частной собственности и государства рассматривались с действительно научной точки зрения. Эти работы и до сих пор сохранили все свое значение.

В то же время сенсимонисты подвергли строгому разбору политическую экономию так называемой классической школы, т. е. школы Адама Смита и Рикардо, которая позже стала

указано на заимствования Коммунистического Манифеста у Бабефа. Немецкий коммунизм – прямой слепок с коммунизма Бабефа. (Прим. П. А. Кропоткина)

¹⁰² Для общего ознакомления с взглядами Прудона лучше всего брошюра Джеймса Гильома, изданная бакунистами в Женеве в 1874 г., – «Анархия по Прудону». (Прим. П. А. Кропоткина)

известна под именем «Манчестерской школы» и проповедовала так называемое «невмешательство государства».

Наконец, Огюст Конт, основатель «позитивной», т. е. естественно-научной философии, охватывающей все явления как в жизни природы, так и в постепенном развитии (эволюции) человечества, был сперва учеником и последователем Сен-Симона.

Но, борясь против промышленного индивидуализма и конкуренции, сенсимонисты впадали в ту же ошибку, против которой они боролись вначале, когда выступили против военного государства и его иерархических ступеней. Они кончили признанием всемогущества государства и основывали свой порядок, как это уже заметил Консидеран, на неравенстве и власти: на правительственной иерархии, которой они даже хотели придать духовный характер.

Таким образом, сенсимонисты 40-х годов, признавая верховную власть государства так же, как признавали ее якобинские коммунисты, отличались от них только той долей личного участия, которую они предоставляли производителю в общем производстве товаров. Несмотря на прекрасные работы по политической экономии, сделанные многими из них, они еще не дошли до представления, что богатства производятся обществом – всеми вместе, а не отдельными лицами. Иначе они поняли бы, что нет возможности справедливо определить, какая часть из общего количества произведенных богатств должна быть предоставлена каждому отдельному производителю.

По этому пункту существовало глубокое разногласие между коммунистами и сенсимонистами, но зато они вполне сходились в том, что ни те ни другие не придавали значения отдельной личности, ее правам и желаниям. Все, что предоставляли ей коммунисты, ограничивалось правом избрания своих чиновников и правителей, и сенсимонисты тоже нехотя признали это право после 1848 г. Раньше же они не признавали даже права выборов. Но для коммунистов, как и для сенсимонистов, равно как и для современных нам коллективистов и социал-демократов, всякое отдельное лицо есть только чиновник государства.

В лице Кабе, написавшего «Путешествие в Икарию»¹⁰³ и основавшего коммунистические колонии в Америке, якобинский коммунизм и подавление личности нашли полнейшее выражение. Действительно, в «Путешествии» Кабе мы везде встречаем власть, государство – вплоть до кухни в каждом хозяйстве. Не довольствуясь составлением «поваренного руководства», которое будет получать каждая семья, Икарийская Республика утверждает список одобренных съестных продуктов, заставляет своих земледельцев и рабочих производить их и раздает их своим подданным. «А так как, – писал Кабе, – никто не может иметь других съестных припасов, кроме раздаваемых республикою, то ты понимаешь, что никто не может есть ничего, что не было бы одобрено ею» («Путешествие в Икарию», 5-е французское издание, 1848 г., с. 52).

Заботливость правительства доходит до того, что Комитет определяет, сколько раз в день должно есть, в какое время и как долго, и назначает количество кушаний, их состав и порядок, в котором они должны подаваться. Что же касается одежды, то она заказывается Комитетом по определенным образцам, причем каждый носит форму, соответствующую его общественному положению. Рабочие, всегда делающие одну и ту же вещь, составляют полк. «До такой степени господствуют порядок и дисциплина!» – восклицает с восторгом Кабе.

Нечего и говорить, что никто ничего не может печатать, не получив на это разрешение Республики, и то только после сдачи соответствующего экзамена и полученного по всем правилам разрешения быть писателем.

Сомнительно, чтобы утопия Кабе, вся в целом, имела многочисленных сторонников в Интернационале, но дух ее оставался. Положительно верно – и мы сами очень хорошо это чув-

¹⁰³ Этьен Кабе (1788–1856) – французский философ, публицист, глава коммунистической школы. Свое коммунистическое учение Кабе изложил в виде путевых записок английского лорда, посетившего фантастическую страну Икарию.

ствовали во время споров, которые вели с государственниками, в особенности с немецкими коммунистами, – что даже строгий регламент, о котором мы только что упоминали и который нам теперь кажется таким бессмысленным, был тогда принимаем (в 70-е гг., особенно немцами) за выражение глубокой мудрости. На наши возражения нам отвечали словами Кабе:

«Конечно, коммуна непременно образом связывает и лишает свободы действий, но это потому, что ее главная обязанность – дать богатство и счастье. Чтобы избежать двойной затраты труда и напрасных убытков, чтобы достигнуть возможно большей производительности в земледелии и промышленности при возможно меньшей затрате труда, необходимо, чтобы общество все имело в своих руках, все бы направляло и всем бы распоряжалось; надо, чтобы оно подчиняло своим правилам, своим порядкам, своей дисциплине все воли, все действия». Добрый гражданин должен даже «удерживаться от всего, что не предписано» («Путешествие в Икарию», 5-е французское издание, с. 403).

Хуже всего то, что у государственников оставалось еще убеждение, что в конце концов, как сказал Кабе, «коммунизм так же возможен при монархе, как при президенте республики». Эта-то мысль и уготовила путь для государственного переворота Наполеона III и затем, много позже, позволяла социалистам-государственникам относиться так легко к буржуазной реакции.

Наконец, мы должны также упомянуть о школе Луи Блана, которая во время основания Интернационала имела многочисленных сторонников во Франции и Германии, где она была представлена сплоченною массою лассальянцев. Эти социалисты, такие же сторонники государства, как и предыдущие, считали, что переход промышленной собственности из рук капитала в руки труда может произойти, если правительство, порожденное революцией и вдохновляемое социалистическими воззрениями, поможет рабочим устроить обширные рабочие производительные кооперативы, которым правительство же даст займы необходимые средства. Эти кооперативы были бы соединены в обширную систему национального производства. Как временная мера могло бы быть принято денежное вознаграждение, равное для всех, но конечною целью было бы распределение продуктов согласно потребностям каждого производителя.

В сущности, мы видим, что социализм Луи Блана был, как говорит совершенно верно Консидеран, «коммунистический сенсимонизм», управляемый демократическим государством.

Опираясь на обширную систему национального кредита, поддерживаемые государственными заказами, рабочие кооперативы, которые хотел основать Луи Блан, получая деньги займы от государства по очень низкому проценту, были бы в состоянии конкурировать с капиталистическою промышленностью. Они скоро вытеснили бы капиталистов из производства и сами стали бы на их место.

Они также могли бы развиваться и в земледелии. Что же касается до рабочих, то они никогда не должны были бы терять из виду этого экономического, социалистического идеала и не должны были бы увлекаться просто демократическим идеалом буржуазных политиков.

Все эти воззрения, выработавшиеся под влиянием социалистической пропаганды в сороковые года, равно как под влиянием февральского и июньского восстаний 1848 г., были, с различными изменениями в подробностях, широко распространены в Международном союзе рабочих. Различия в воззрениях были большие, но, как мы уже видели, сторонники всех этих школ сходились в одном: все они признавали, что в основании будущей революции должно будет лежать сильное правительство, которое будет держать в своих руках хозяйственную жизнь страны. Все они признавали централизованное и иерархическое устройство государства.

К счастью, наряду с этими якобинскими воззрениями, в противовес им, существовало также и учение фурьеристов, к разбору которого мы теперь перейдем.

ХП. Анархия (продолжение)

Социалистические воззрения в Интернационале. – Фурьеризм

Фурье, современник Великой Революции, уже не был в живых, когда основывался Интернационал. Но его мысли были так широко распространены его последователями – в особенности Консидераном, который придал им известный научный характер, – что сознательно или бессознательно самые образованные члены Интернационала находились под влиянием фурьеризма¹⁰⁴.

Что же касается программы практических действий в «Коммунистическом Манифесте», то, как это показал профессор Андлер, образцом для нее послужила программа тайных коммунистических обществ, французских и немецких, которые продолжали дело тайных обществ Бабефа и Буонарроти. Изучение книги Консидерана «Социализм перед лицом старого света» (*Le Socialisme devant le vieux monde*) нельзя не порекомендовать серьезному вниманию современных социалистов.

Чтобы понять влияние фурьеризма в те годы, надо заметить, что господствующей мыслью Фурье не было объединение капитала, труда и таланта для производства богатств, как это обыкновенно утверждается в книгах по истории социализма. Его главной целью было положить конец частной торговле, которая ведется в целях наживы и которая неизбежно приводит к крупным, недобросовестным спекуляциям. Чтобы достигнуть этого, он предлагал создать свободную национальную организацию для обмена всяких продуктов. Таким образом, Фурье вновь поднял мысль, которую уже пыталась осуществить Великая Революция в 1793–1794 гг., после того как парижский народ изгнал жирондистов из Конвента и Конвент принял закон о максимуме цен на предметы первой необходимости.

Как говорил Консидеран в своей книге «Социализм перед лицом старого света», Фурье видел средство для прекращения всех безобразий современной эксплуатации «в установлении непосредственных сношений между производителем и потребителем, – в устройстве общинных посреднических агентур, являющихся складами, но не владельцами продуктов, которые они получают непосредственно с места их производства и передают непосредственно потребителям».

В таких условиях цена товаров перестала бы служить предметом спекуляции. Она могла бы повышаться только на то, во что обойдутся «издержки по перевозке, хранению и управлению, тяжесть которых почти нечувствительна» (Консидеран, с. 39).

Уже ребенком Фурье, помещенный родителями в торговое заведение, принес клятву ненависти к торговле, худые стороны которой он близко узнал из собственного опыта. И с тех пор он дал себе слово бороться против нее. Позже, во время Великой Революции, он был свидетелем ужасающих спекуляций сперва при продаже и покупке национальных имений, отобранных у церкви и дворян, а потом – в невероятном повышении цен на все продукты во время войн Революции против европейских монархий. Он также знал из опыта, что ни якобинский Конвент, ни террор с его беспощадной гильотиной не в силах были прекратить эти спекуляции. Тогда он понял, что отсутствие национальной, общественной организации обмена, по крайней мере для предметов, необходимых для жизни, могло сделать недействительными

¹⁰⁴ Из работы нашего друга Черкезова известно, что экономические положения, изложенные Марксом и Энгельсом в «Коммунистическом Манифесте», были ими взяты из Манифеста Консидерана, который носил название «Принципы социализма. Манифест демократии XIX в.» и был издан в 1848 г. Действительно, достаточно прочесть оба манифеста, чтобы убедиться, что не только экономические взгляды «Коммунистического Манифеста», но даже и форма были заимствованы Марксом и Энгельсом у Консидерана. (Прим. П. А. Кропоткина)

для народа все благотельные последствия экономической революции, произведенной отобранием земель у духовенства и дворянства в пользу демократии. Тогда же он должен был увидеть необходимость национализации торговли и оценить попытку, сделанную в этом направлении народом, «санкюлотами», в 1793–1794 гг. Он сделался ее апостолом (...).

Свободная община – хранительница продуктов, произведенных ее членами, даст, по его мнению, разрешение великой задачи устройства обмена и распределения предметов первой необходимости. Но община не должна быть собственницей складочных магазинов, подобно теперешним кооперативам. Она должна быть только хранительницей – агентством, куда продукты сдаются для их распределения, без всякого права взимать подать с потребителей и без права спекуляции на изменениях цен.

Мысль Фурье разрешить социальную задачу, организуя потребление и обмен на общественном начале, уже делает из него одного из самых глубоких социалистических мыслителей.

Но он не остановился на этом. Он, кроме того, предположил, что все члены земледельческой или промышленной, или, вернее сказать, смешанной земледельческо-промышленной общины, составят фалангу. Они соединят в одно свои земли, рабочий скот, инструменты и машины и будут обрабатывать земли или работать на фабриках, считая, что земли, машины, фабрики и т. д. принадлежат им всем сообща, – но ведя при этом строгий счет, насколько каждое отдельное лицо увеличило общий капитал.

Два главных правила, говорил он, должны быть соблюдаемы в фаланге. Во-первых, не должно быть неприятных работ. Всякая работа должна быть так оборудована, так распределена и настолько разнообразна, чтобы всегда быть привлекательной. Во-вторых, в обществе, устроенном на основаниях свободного сотрудничества, не должно быть допущено никакого принуждения, да и не будет причин, делающих нужным принуждение.

При наличности сколько-нибудь внимательного, вдумчивого отношения к личным нуждам каждого члена фаланги и при некоторой снисходительности к особенностям различных характеров, а также соединяя труд земледельческий, промышленный, умственный и художественный, члены фаланги скоро убедятся, что даже людские страсти, которые, при современном устройстве, являются часто злом и опасностью (что в свою очередь всегда приводится в оправдание применения силы), могут быть источником дальнейшего развития прогресса. Достаточно ближе узнать сущность этих страстей и найти им общественное применение. Новые предприятия, опасные приключения, общественное возбуждение, жажда перемены и т. д. дадут этим страстям необходимый выход. Действительно, всякий знает, насколько страсть к азарту и непривычка к регулярному труду бывают причинами воровства, грабежа и других поступков, наказываемых теперь уголовными законами. В разумно устроенном обществе самые эти страсти нашли бы себе лучший исход.

Правда, что Фурье платил еще дань государственным идеям. Таким образом он признавал, что для того, чтобы сделать опыт с его сообществом, чтобы испытать сперва «простую гармонию», которая будет предтечей «настоящей гармонии, представитель верховной власти мог бы сослужить службу». «Можно было бы, например, предоставить главе Франции честь вывести род человеческий из социального хаоса, ставши основателем гармонии и освободителем земного шара», – говорил он в своем первом сочинении, и ту же мысль он повторил позже, в 1808 г., в своей «Теории четырех движений». Впоследствии он даже обращался с этой целью к королю Людовику Филиппу (Пелларэн Ш. Фурье, его жизнь и его учение; 4-е французское издание, с. 114). Но все это относилось только к первому подготовительному опыту.

Что же касается того общества, которое он называл «настоящею гармониею» или всемирною гармониею, то в ней он не давал места никакому правительству. Эта гармония, говорил он, не может быть вводимая «по частям». Превращение должно произойти одновременно в общественных, политических, хозяйственных и нравственных отношениях людей. Когда Фурье начинал разбирать идею государства, он был так же последователен в своей критике, как

и мы теперь. «Политический беспорядок, – говорил он, – является одновременно и следствием, и выражением хозяйственного (социального) беспорядка. Неравенство становится крайнею несправедливостью. Государство, во имя которого действует власть, по происхождению и по основным своим началам является, несомненно, слугою привилегированных классов и их защитником против остального населения». И так далее.

Вообще в «Гармоническом обществе» Фурье, которое будет создано полным проведением в жизнь его мыслей, нет места принуждению.

Фурье писал непосредственно после поражения Великой Революции и потому неизбежно склонялся к мирным разрешениям социального вопроса. Он настаивал на необходимости признать в принципе совместную деятельность капитала, труда и таланта. Вследствие этого ценность каждого продукта, произведенного фалангой, должна была быть разделена на три части, из которых одна часть (половина или же семь двенадцатых всей суммы) служила бы вознаграждением труда, вторая часть (три двенадцатых) поступала бы в пользу капитала, а третья часть (две или три двенадцатых) – в пользу таланта.

Однако большинство приверженцев Фурье в Интернационале не придавали большого значения этой части его системы. Они понимали, что тут сказывалось влияние того времени, когда он писал. И наоборот, они особенно помнили следующие основные положения учения Фурье:

1. Свободная община, т. е. небольшое земельное пространство, вполне независимое, делается основанием, единицей в новом социальном обществе.

2. Община является хранилищем всех продуктов, произведенных внутри нее, и посредницей при всякого рода обмене с другими общинами. Она также представляет собой союз потребителей, и весьма возможно, что в большинстве случаев она будет также единицей производства, которою, впрочем, может быть и профессиональная группировка (т. е. рабочий союз) или же союз нескольких производительных артелей.

3. Общины свободно объединяются между собой, чтобы составить федерацию, область, народ.

4. Труд должен быть сделан привлекательным: без этого он всегда ведет к рабству. И раньше, чем это будет сделано, невозможно никакое решение социального вопроса. Достигнуть же этого вполне возможно (две глубокие истины, слишком легко забываемые теперь). Труд должен и может быть гораздо производительнее, чем теперь.

5. Для поддержания порядка в подобного рода общинах не требуется никакого принуждения: вполне достаточно влияния общественного мнения.

Что касается распределения произведенных продуктов и потребления, то относительно этого мнения еще очень разделялись.

После основания Интернационала социалистические идеи имели успех прежде всего на конгрессах в Брюсселе в 1868 г. и в Базеле в 1869 г. Интернационал высказался громадным большинством за коллективную собственность на землю, годную к обработке, на леса, железные дороги, каналы, телеграфы и т. д., рудники, а также машины. Приняв коллективную собственность и экспроприацию как средство ее достижения, члены Интернационала – противогосударственники приняли название коллективистов, чтобы ясно отделить себя от государственного и централизаторского коммунизма Маркса и Энгельса и их сторонников и от такого же направления французских коммунистов, державшихся государственных традиций Бабефа и Кабе¹⁰⁵.

¹⁰⁵ В это время социал-демократы еще не выставили системы государственного коллективизма – многие среди них были еще коммунисты-государственники. И, по-видимому, был совершенно забыт смысл понятий «государственный капитализм» и «распределение сообразно часам труда»; смысл, который был придан слову «коллективизм» перед революцией 1848 г. и во время ее, сначала С. Пеккером в 1839 г. («Социальная экономия: интересы торговли, промышленности и земледелия, и цивилизации вообще под влиянием пара») и в особенности в 1842 г. («Новая теория социальной и политической экономии: этюды

В брошюре «Мысли о социальной организации», опубликованной в 1876 г. Джеймсом Гильомом, который сам принимал активное участие в пропаганде коллективизма, а также в его главном сочинении «Интернационал. Документы и воспоминания» (4 тома, появившихся в Париже в 1905–1910 гг.) и, наконец, в его статье «Коллективизм в Интернационале», которую Гильом написал недавно для «Синдикалистской энциклопедии», интересующиеся могут найти все детали о точном смысле, который придавали слову «коллективизм» наиболее деятельные члены федералистского Интернационала – Варлен, Гильом, Де-Пап, Бакунин и их друзья. Они объявили, что в противоположность государственному коммунизму они подразумевают под словом «коллективизм» коммунизм негосударственный, федералистский, или анархический. И называя себя коллективистами, они прежде всего подчеркивали, что они противогосударственники. Они не желали предрешать форму, которую примет потребление в обществе, совершившем экспроприацию. Для них было важно стремление не замыкать общество в суровые рамки, они желали сохранить для более передовых групп самую широкую свободу в этом отношении. К несчастью, идеи о коллективной собственности, брошенные в Интернационале, не имели времени распространиться в рабочих массах, когда разразилась франко-немецкая война, десять месяцев спустя после Базельского конгресса, – так что ни одной серьезной попытки в этом направлении не было сделано во время Парижской Коммуны. А после того как Франция и Коммуна были раздавлены, федералистский Интернационал должен был сосредоточить все свои силы на поддержании главной своей идеи – противогосударственной организации рабочих сил в целях непосредственной борьбы труда против капитала, чтобы прийти к социальной революции. Волей-неволей вопросы будущего должны были остаться на втором плане, и если идеи коллективизма, понимаемого в смысле анархического коммунизма, продолжали распространяться некоторыми приверженцами, то они наталкивались, с одной стороны, на понятия государственного коллективизма, развитые марксистами после того, как они начали пренебрегать идеями «Коммунистического Манифеста», и с другой стороны – на государственный коммунизм бланкистов и на весьма распространенные предрассудки против коммунизма вообще, укрепившиеся в рабочих массах латинских стран после 1848 г. под влиянием сильной критики государственного коммунизма, выдвинутой Прудоном. Это сопротивление было так сильно, что в Испании, например, где федералистский Интернационал был в тесных сношениях с широкой федерацией рабочих профессиональных союзов, в то время и гораздо позже коллективизм истолковывали как подтверждение коллективной собственности, просто прибавляя к нему слова «и анархия» (*anarquía y colectivismo*), чтобы только подкрепить противогосударственную идею, не предрешая, каков будет способ распределения – коммунистический или иной, – который мог быть принят каждой отдельной группой производителей и потребителей.

Наконец, что касается способа перехода от современного общества к обществу социалистическому, то деятели Интернационала не придавали большого значения тому, что по этому поводу говорил Фурье. Они чувствовали, что в Европе развивается положение дел, ведущее к революции, и видели, что приближается революция более глубокая и более общая, чем революция 1848 г. И когда она начнется, говорили они, рабочие должны сделать все от них зависящее, чтобы отнять у капитала захваченные им монополии и передать их в руки самих производителей, т. е. рабочих, не дожидаясь приказов правительства.

по организации обществ») и затем Ф. Видалем, секретарем рабочей Люксембургской Комиссии в его замечательной работе «Жить работая! Проекты, перспективы и средства социальных реформ», появившейся в Париже в конце июня 1848 г. (Прим. П. А. Кропоткина)

Толчок, данный Парижской Коммуной. – Бакунин

Из короткого обзора, данного в предшествующих главах, уже можно представить себе, на какой почве развивались анархические идеи в Интернационале.

Мы видели, какую смесь централистического и государственного якобинства с стремлением к местной независимости и федерации представляли тогда понятия деятелей Международного союза рабочих. И то и другое течение мысли – мы теперь это знаем – имело своим источником Великую Французскую революцию. Централистические идеи происходили по прямой линии от якобинства 1793 г., а идеи местной независимой деятельности были наследием крупной созидательной и разрушительной революционной работы коммун (общин) 1793–1794 гг. и их отделов (секций) в больших городах.

Надо сказать, однако, что из этих двух течений якобинское, без сомнения, преобладало. Почти все буржуазные интеллигенты, вошедшие в Интернационал, мыслили как государственники-якобинцы, а рабочие находились под их влиянием.

Нужно было, чтобы совершилось событие такой громадной важности, как провозглашение Парижской Коммуны и геройская борьба парижского народа против буржуазии, чтобы дать новое направление революционной мысли, по крайней мере в латинских странах, особенно в Испании, Италии и части французской Швейцарии.

В июле 1870 г. началась ужасная франко-прусская война, в которую бросились Наполеон III и его советники, чтобы спасти Империю от неизбежной республиканской революции. Война привела к жестокому разгрому Франции, к гибели Империи, к временному правительству Тьера и Гамбетты и к Парижской Коммуне, за которою последовали подобные же попытки в Сент-Этьене, Нарбонне и других южных городах Франции и, позднее, в Барселоне и Картагене в Испании.

Для Интернационала – по крайней мере, для тех его членов, которые умели мыслить и извлекать пользу из уроков жизни, – происшедшие события послужили уроком. Общинные (коммунальные) восстания были настоящим откровением. Социалисты видели, как отдельные города объявили свою независимость от государства и свое право самим начинать новую жизнь, не дожидаясь, пока вся нация с ее отсталыми областями согласится тоже выступить на новый путь; и они поняли, что, совершаясь под красным знаменем социальной революции, которое парижские рабочие ценой своей жизни отчаянно защищали на баррикадах, восстания городов указали, какую должна быть, какую, вероятно, будет политическая форма будущей революции среди латинских народностей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.